

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)43
УДК 930.23

Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535-1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535-1549 гг.

Аннотация: в настоящей работе на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных материалов исследуются влияние крымского фактора на воцарение в 1535 г. в Казани Сафа-Гирея и ход казанских набегов на Русь во второй половине 1530-х – 1540-х гг., а также сами казанские набеги 1535-1549 гг. Автор приходит к выводу, что Сахиб-Гирей принял непосредственное участие в воцарении в Казани своего племянника Сафа-Гирея и в дальнейшем оказывал заметное влияние на русско-казанское противостояние, посылая в помощь казанцам свои отряды и требуя, чтобы московская сторона не вводила войска на территорию Казанского ханства. В противном случае он грозил русскому государю войной. В данной работе наиболее подробно освещены набеги казанцев на Русь в 1535-1544 гг. с уточнением хода событий, датировок и примерными оценками численности армий обеих сторон. Автор высказал критические замечания относительно распространенного в историографии доверия к нарративным оценкам размеров казанского войска.

Ключевые слова: XVI в., Казанское ханство, Московское Великое княжество, Сахиб-Гирей, Сафа-Гирей, Иван IV, русско-казанская война 1535-1552 гг.

Автор: Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности историк. В 2015 г. закончил аспирантуру Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. В 2018 г. в Воронежском государственном университете защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Институт Новгородских тысяцких в XII-XV вв.». Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая география. petergof-history@yandex.ru.

Литература, использованная в статье:

Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533-1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8-11 июня 2011 г.). — Саранск, 2004. — Ч. I.

Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV-XVI вв.: У истоков национальной политики России. — Ижевск, 2005.

Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. — Казань, 2016.

Несин М.А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535-1536 гг. // Средневековые Тюркско-Татарские государства. — 2015. — № 7.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. — М., 1960.

Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — 2004. — Т. 5.

Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8.

Флоря Б.Н. Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. — М., 2010. — Вып. 10.

Несин М.А. Статус Касимовских Чингисидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. — 2017. — № 2.

Гусева Т.В. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Н. Новгород, 1996.

Несин М.А. Два топонима Плотницкого конца Торговой стороны средневекового Новгорода: Подол и Полянка // Valla. — 2018. — Т. 4. — Вып. 3.

Несин М.А. Образование Балахны, а также некоторые аспекты ее возвышения в первой пол. — середине XVI ст. // Исторический формат. — 2015. — № 2.

Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: Просопографическое исследование. — Рязань, 2011.

Несин М.А. К истории присоединения Пскова к Московскому государству // Вестник Удмуртского Государственного Университета. — 2017. — Т. 27. — Вып. 1.

Чеченков П.В. Новгородские сведенцы в нижегородской служилой корпорации // Новгородика — 2010. Вечевой Новгород. Материалы Международной научно-практической конференции 20-22 сентября 2010 г. — 2011. — Ч. 2.

Несин М.А. Из истории новгородского владычного дома XII – начала XVI в. // Valla. — 2018. — 3 (1-2).

[Лобин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил российского государства в XVI в.](#) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2009. — № 1-2 (5-6).

Моисеев М.В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480-1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

Пилипчук Я.В., Несин М.А. Великое Княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492-1506 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 390-448 <<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchuk-nesin>> (21.04.2016).

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535-1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535-1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Т. X. — С. 432-491. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13> (27.02.2019).

Nesin M.A. Relations between Kazan and Moscow Tsardom, 1535-40.

Part I: Crimea as the cause of first Kazan's invasions in 1539-49

Summary: this research paper, while using the wide specter of known and newly discovered primary sources, offers a new interpretation as to why the Khanate of Kazan had committed its invasion over Russia in 1530s and 1540s using Crimea as the main factor. The author proves that Sahib I Giray of Kazan assisted in installment of his nephew, Safa Giray, as a new leader of the Khanate and further assisted him in the Russo-Tartar resistance while sending troops and supplies. Sahib held a firm position against Moscow and in case the counterparts could not reach the compromise, had threatened Russia with war. The article reconstructs major events of that period confirms certain important dates, provides estimate of the Russian and Tartar's armies, which disproves previously adopted myths and stereotypes.

Keywords: sixteenth century; Khanate of Kazan; Moscow Tsardom; Safa Giray; Sahib I Giray; Ivan IV.

Author: Mikhail A. Nesin holds Ph.D. in history from the Novgorod State University, Russia; his major interest is in the early medieval Russian history, military history, social history and historical geography. petergof-history@yandex.ru.

References:

Kuznecov A.B. Kazanskij vopros vo vneshnej politike Eleny Glinskoj (1533-1538 gg.) [The Kazan question in the foreign policy of Elena Glinskaya (1533-1538)] // Volzhskie zemli v istorii i kul'ture Rossii. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 10-letiju sozdanija Rossijskogo humanitarnogo nauchnogo fonda (RGNF) (g. Saransk, 8-11 ijunya 2011 g.). — Saransk, 2004. — Ch. I.

Kotljarov D.A. Moskovskaja Rus' i narody Povolzh'ja v XV-XVI vv.: U istokov nacional'noj politiki Rossii [Moscow Russia and the peoples of the Volga region in the XV-XVI centuries]. — Izhevsk, 2005.

Aksanov A.V. Kazanskoe hanstvo i Moskovskaja Rus': Mezhdgosudarstvennyye otnoshenija v kontekste germenevticheskogo issledovanija [The Kazan khanate and Moscow Rus']. — Kazan', 2016.

Nesin M.A. Pohody kazanskih tatar na Nizhegorodskie zemli v 1535-1536 gg. [Campaigns of the Kazan Tatars on the Nizhny Novgorod lands in 1535-1536] // Srednevekovye Tjursksko-Tatarskie gosudarstva. — 2015. — № 7.

Zimin A.A. Reformy Ivana Groznogo: Oчерki social'no-jekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii serediny XVI v. [Reforms of Ivan the terrible: Essays on socio-economic and political history of Russia in the middle of the XVI century] — M., 1960.

Beljakov A.V., Moiseev M.V. Sjuun-bike: iz nogajskih stepej v kasimovskie caricy // Materialy i issledovanija po rjazanskomu kraevedeniju [Suun-Bike: from the Nogai steppe in Kasimov Queen]. — 2004. — T. 5.

Nesin M.A. Status Kasimovskih Chingisidov pri Vasilii II i Ivane III po dannym pis'mennyh istochnikov [Status of Kasimov genghisids under Vasily II and Ivan III according to written sources] // Zolotoordynskoe obozrenie. — 2017. — № 2.

Nesin M.A. Dva toponima Plotnickogo konca Torgovoj storony srednevekovogo Novgoroda: Podol i Poljanka [Two of the name of Carpenter end of the Trading side of the medieval Novgorod: Podol and Poljanka] // Valla. — 2018. — T. 4. — Vyp. 3.

Nesin M.A. Obrazovanie Balahny, a takzhe nekotorye aspekty ee vozvysheniya v pervoj pol. — seredine XVI st. [Education Balakhna, and some aspects of its rise in the first half—the middle of XVI century] // Istoricheskij format. — 2015. — № 2.

Nesin M.A. K istorii prisoedineniya Pskova k Moskovskomu gosudarstvu [To the history of Pskov's accession to the Moscow state] // Vestnik Udmurtskogo Gosudarstvennogo Universiteta. — 2017. — T. 27. — Vyp. 1.

Chechenkov P.V. Novgorodskie svedency v nizhegorodskoj sluzhiloj korporacii [Novgorod in Nizhny Novgorod Sidency serving corporations] // Novgorodika — 2010. Vechevoj Novgorod. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 20-22 sentjabrja 2010 g. — 2011. — Ch. 2.

Nesin M.A. Iz istorii novgorodskogo vladychnogo doma XII – nachala XVI v. [From the history of Novgorod the master's house of the XII – XVI centuries] // Valla. — 2018. — 3 (1-2).

[Lobin A.N. K voprosu o chislennosti vooruzhennyh sil rossijskogo gosudarstva v XVI v.](#) [On the issue of the number of armed forces of the Russian state in the XVI century] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2009. — № 1-2 (5-6).

Moiseev M. “Steppe Wars: form The Great Standoff on the Ugra River to destruction of the Crimea by the Nogai Horde, 1480-1522.” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. I. — P. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

Pilipchik J., Nesin M. The Grand Duchy of Lithuania against the Tartars under Alexander I Jagiellon's reign 1492-1506 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 390-448 <<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchik-nesin>> (21.04.2016).

Internet link:

http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13

Reference link:

Nesin M.A. Relations between Kazan and Moscow Tsardom, 1535-40. Part I: Crimea as the cause of first Kazan's invasions in 1539-49 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2019. — Vol. X. — P. 432-491. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13> (27.02.2019).

Несин М.А.

**К ИСТОРИИ МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1535-1540-х гг.
ЧАСТЬ 1. КРЫМСКИЙ ФАКТОР, ПОХОДЫ КАЗАНЦЕВ НА РУССКИЕ
ЗЕМЛИ 1535-1549 гг.**

Русско-казанская война 1535-1552 гг. неоднократно привлекала внимание исследователей, однако до сих пор ей не было посвящено ни одной специальной работы. Не все аспекты данной кампании были всесторонне изучены. В этой связи представляется актуальным рассмотрение таких важных, но малоизученных тем, как влияние крымского фактора на приход к власти в 1535 г. в Казани Сафа-Гирея и на русско-казанские отношения 1535-1540-х гг., а также казанские набеги на Русь в 1535-1544 гг. Походы казанцев на Русь в изучаемый период кратко упоминаются в работах Г.З. Кунцевича, А.Г. Бахтина, С.Х. Алишева, А.М. Ермушева, В.В. Каргалова, А.Б. Кузнецова, Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, Д.А. Котлярова, В.А. Волкова, А.В. Аксанова¹. Однако эти исследователи фактически ограничились иллюстративным привлечением основных свидетельств и использовали не все сведения источников. Недавно мной были исследованы походы на Нижегородский край в 1535/1536 гг.² В данной статье рассматриваются все казанские набеги на Русь с конца 1535 по 1544 г., уточняется ход и хронология событий и предпринимается попытка оценки численности войск и соотношения сил.

Влияние крымского фактора на воцарение в 1535 г. в Крыму Сафа-Гирея и русско-казанские отношения в 1535-1540-х гг. также не стало в историографии предметом специального и серьезного изучения. Иногда высказывались мнения об участии крымского хана Сахиб-Гирея в утверждении на казанском престоле своего племянника³, или что воцарение Сафа-Гирея отнюдь не было результатом «крымских интриг»⁴. Кроме того, отмечалось активное участие Сахиб-Гирея в предотвращении некоторых русских походов на Казань⁵. Но четкой и содержательной картины влияния крымского фактора на интересующие нас события создано не было. В данной работе предпринята

попытка решения этой задачи.

25 сентября 1535 г. в Казани был свергнут и казнен местной знатью московский ставленник Джан-Али. На его место «ис Крыму» прибыл крымский царевич Сафа-Гирей. Это, как известно, пришлось московскому правительству не по нраву. Официальное московское летописание расценило свержение Джан-Али как «измену», но о его причине не сообщило. Как констатировали А.В. Беляков и М.В. Моисеев, согласно расхожему мнению, «переворот стал следствием смерти Василия III и малолетства Ивана IV, а также тяготением казанцев русской опекой»⁶. При этом часто не учитывается ни тогдашняя внешнеполитическая обстановка, ни крымский фактор. Разве что А.А. Зимин высказал догадку, что летний набег крымцев на Рязанскую землю был «частью широко задуманного плана борьбы Крыма с Россией; составной частью его являлся сентябрьский переворот в Казани, во время которого был убит хан Яналей, а на его место был призван из Крыма Сафа-Гирей. Переворот означал серьезное изменение в русско-казанских отношениях: Яналей был сторонником мирных отношений с Россией, а Сафа-Гирей – злейшим врагом Москвы»⁷. Это мнение разделил В.В. Каргалов⁸. Однако, как правило, не принимается во внимание, что и в годы царствования Джан-Али казанцы неоднократно совершали набеги на русские земли: летом 1534 г. по предположению А.Г. Бахтина, состоялся грабительский поход на Вятку⁹, в том же году у галицких воевод «было дело на Унже с козанскими людьми», зимой 1534/1535 гг.¹⁰. согласно продолжению Хронографа редакции 1512 г., татары разоряли Нижегородские «места». Возможно, еще при жизни Джан-Али (и уж во всяком случае, до приезда из Крыма Сафа-Гирея) было подготовлено свершившееся 8 октября 1535 г. вторжение татарской рати на Русь на территорию нын. Костромской обл. в районы р. Унжи, г. Чухломы, Галича¹¹. Может быть, поэтому московское летописание, возмущаясь «изменой» казанцев, свергнувших в 1535 г. Джан-Али, не припомнило этот набег. (Да и вообще казанские походы на Русь времен Джан-Али официозные московские хронисты старались не упоминать, несмотря на то, что по судя летописным данным те не

имели принципиальных отличий от рассматриваемых в данной статье и упомянутых в официальном летописании набегов при Сафа-Гирее. В этой связи логичнее думать, что причина дискриминации кроется в разных официальных отношениях московских властей к одному и другому хану. После переворота 1535 г. убитого «Яналея» изображали московским союзником, низложенным изменниками, и именно с этого времени вели отсчет русско-казанским размириям середины 30-х гг. XV ст. Впрочем, московские дипломаты иногда в дипломатической переписке с Литвой признавали «нестроения» покойного Джан-Али, хотя объясняли их, так сказать, ошибками молодости: «ныне был государь, посадил на Козани Яналия царя, и он молодостию да учал не по тому быти, нестройно»¹²). Значит, в Казани его могли уже не считать проводником московского влияния, а свергнуть по иным причинам. А.В. Беляков и М.В. Моисеев считают «вероятным, что переворот в Казани являлся следствием не «крымских интриг», а сговора двух ногайских мирз [Мамая и Юсуфа]. В пользу такого предположения говорит и то, что в Крымском ханстве шла междоусобная борьба между Сагиб-Гиреем и Ислам-Гиреем, причем последний был готов пойти на сближение с Россией»¹³. Участие Мамая и Юсуфа в свержении Джан-Али ученые убедительно обосновали¹⁴. О причастности Юсуфа к перевороту в Казани пишет и Ф.В. Селезнев¹⁵. Вместе с тем, стоит учесть, что Сахиб-Гирей еще в предыдущем году отеснил Ислам-Гирея к Перекопу, удержав власть в основной части Крыма. К осени 1535 г. он чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы посадить на казанский престол своего племянника. Крым в XVI в. неоднократно стремился укрепить свое влияние в иных татарских ханствах. Не была исключением и Казань, где не раз воцарялись крымские династы. Надо иметь в виду, что ставший казанским ханом крымский царевич Сафа-Гирей не просто был племянником Сахиб-Гирея, но до переезда в Казань жил в Крыму. Его отъезд не мог пройти мимо крымского хана. В опубликованной Б.Н. Флорей присланной в Москву в конце 1537 г. грамоте крымского хана великому московскому князю Ивану IV, Сахиб-Гирей прямо называл Казань своей землей, своим столом, своим юртом¹⁶. Не

исключено, что в том же смысле в ответе русской стороны крымскому гонцу отмечалось, мол «ведает [крымский] царь и сам, что как пришел Сафа Гирей на Казань»¹⁷. Таким образом, крымский хан фактически не скрывал своего участия в воцарении в 1535 г. в Казани Сафа-Гирея. В тот год Великое Московское княжество воевало с Великим княжеством Литовским. Союзником Литвы выступал Сахиб-Гирей, выразивший поддержку литовской стороне и враждебность к московской. Когда летом литовцы осадили принадлежавший Московскому государству г. Стародуб, крымцы вторглись в Рязанщину (причем, во главе крымского войска шел царевич Сафа-Гирей, которому несколько недель спустя предстояло воцариться в Казани). Московское правительство было вынуждено сосредоточить войска там, а не на западном фронте. Стародуб был взят литовцами. Объясняя причину успеха Литвы, официальный московский хронист писал, что московские власти «велели быть и беречь своим воеводам на Коломне и по иным местам от крымского царя и царевичей»¹⁸. Возможно, это же имел в виду автор «Казанской истории», отмечая, что «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены»¹⁹. На этом фоне произошедший в сентябре в Казани переворот с приходом к власти крымского царевича был закономерен. В Крыму удостоверились, что Москва не может воевать на два фронта. Возможно, поэтому свержение переставшего считаться с Москвой Джан-Али расценивалось московскими властями как измена. В декабре московское правительство стало предпринимать активные шаги в отношении новой казанской власти. 10 или 12 числа²⁰ был отдан приказ об освобождении из ссылки опального служилого царевича Шах-Али. По верному замечанию В.В. Вельяминова-Зернова, «нет никакого сомнения, что Шах-Али был прощен... с той мыслью чтобы противопоставить его Сафа-Гирею»²¹. М.Г. Худяков отметил, что «Шах-Али оказался единственным кандидатом со стороны партии, сочувствовавшей союзу с Россией. Мысль об освобождении его из-под ареста подали казанские эмигранты, приехавшие тогда в Москву. Они заявили: «Государь бы нас пожаловал, Шигалею бы царю гнев свой положил и к себе бы ему велел на Москву быти; и коли будет Шигалей у

великого государя на Москве, и мы совокупимся с своими советники, кои в Казани, и тому царю крымскому в Казани не быти»²².

Другое дело, что ученые не солидарны в оценке статуса Шах-Али. Д.М. Исхаков отметил употребление летописцем под «1541» (а точнее, при описании событий конца 1540 г.) применительно к касимовскому войску Шах-Али термина «орда», который, по словам исследователя, как и «юрт», обозначал особое государственное образование. В то же время, как показал сам ученый, «иногда в позднетатарских ханствах» того времени слово «юрт» использовалось «и для обозначения княжеств, входящих в состав ханств»²³. Видимо, в том же смысле в русской летописи XVI в. употреблен термин «орда». А.Г. Бахтин упомянул документальные свидетельства из дипломатических переписок и фрагмент записок С. Герберштейна о служилом статусе Шах-Али и его проживании на великокняжеской земле, а не в суверенном ханстве²⁴. Аналогичный статус имели и первые касимовские Чингисиды в XV в.²⁵).

Согласно Летописцу начала царства Ивана IV, в декабре того же 1535 г. Иван IV и его мать, великая княгиня Елена Глинская (фактически – Елена Глинская от лица малолетнего сына) послали на Казанские земли войско под началом мещерских воевод князя Семена Гундорова и Василия Замытского²⁶. Это, видимо, стало причиной ответного похода казанцев на Русь (весть об амнистии Шах-Али в Казань прийти никак не могла до того, как там собрали войско, прошедшее к 24 декабря ок. 400 км до Нижнего Новгорода). На р. Суре мещерские воеводы встретили казанское войско, направлявшееся в «Нижегородские места». От боя с ним они уклонились, раздумали продолжать путь в Казанское ханство и повернули назад в Мещеру. В Москву они об этом не сообщили²⁷. Вероятно, причиной отступления была малочисленность мещерского войска, которое, подойдя близко к врагам, сумело от них незаметно скрыться. По разрядной книге Полоцкого похода 1562/1563 г. Мещера выставила 280 детей боярских²⁸. Едва ли она располагала существенно бóльшим количеством служилых людей, ибо не была крупным городом. Видимо, в задачу небольшого мещерского отряда не входило взятие Казани, он

должен был оказывать давление на татар посредством налетов на их поселения. Так же действовали и сами казанцы, посылая небольшие рати вглубь русских земель.

О дальнейших событиях той зимы на казанском фронте наиболее подробно повествует составленный около середины XVI века Летописец начала царства Ивана IV в повестях «О казанских татарах», а также «О Балахне». В Летописце в данной погодной записи под особыми заголовками приведены сразу несколько рассказов о нашествиях казанских татар на Нижегородский край. Они идут подряд, иногда без какой-либо связи между собой. Тем не менее, две вышеупомянутые повести представляют связное повествование и написаны схожим языком, поэтому, скорее всего, восходят к одному и тому же источнику. Не исключено и его нижегородское происхождение: кроме относительно подробного сообщения о разорении Балахны, здесь есть уникальные сведения о неожиданном ночном грабительском набеге татар на Нижегородские «места» 24 декабря 1535 г. и неудавшейся военной хитрости нижегородских воевод. Что касается татар, то они пошли далее на запад и ночью 24 декабря, когда местные жители были «сонные» неожиданно — «безвестно» — вторглись в «Нижегородские места» и «повоевав» их, пошли прочь²⁹. (В.В. Каргалов отметил упоминание в актах разорение нижегородского села Высокого, которое связал с событиями русско-казанской войны 1535–1552 гг.³⁰ Но поскольку этот инцидент в грамоте не датирован, он мог произойти и во время более ранних казанских набегов на регион³¹).

Согласно хронографу XVII в., татары пограбили Гороховец, Березополье (местность примерно в 30 м к западу от Нижнего Новгорода) и «около» Нижнего города³² (хотя, как будет сказано ниже, набег на Гороховец и Березополье, возможно, относился уже к началу 1537 г., когда татары разоряли земли к востоку от Муром в направлении Нижнего). Вероятно, татары повоевали и нижегородские посады. Воскресенская летопись XVI в. упоминает, что той зимой они приходили к Нижнему Новгороду³³. Кроме того, в некоторых памятниках XVII в., в вышеупомянутом хронографе и Нижегородском

летописце сказано, что татары пришли из-под Муром и бились с нижегородцами с 3 часов до полуночи (или, согласно Нижегородскому летописцу, до 9-го часа)³⁴.

Нижегородский летописец, где это известие приведено в более развернутом виде, добавляет, что татары осаждали нижегородский кремль 3 дня и выжгли 200 дворов на Большом посаде³⁵. Правда, в данных источниках это событие отнесено к следующей зиме. И исследователи иногда также вслед за ними относят это набег к январю 1537 г.³⁶ Но, согласно Нижегородскому летописцу, где этот текст приведен наиболее полно, казанцы вскоре двинулись на Балахну³⁷. Это позволяет допустить, что речь все же идет о тех же событиях зимы 1535/1536 гг. Ведь согласно источникам XVI в., захват Балахны татарами состоялся именно в ту зиму. Тем более, что в 1537 г. под Муромом татарские войска, как известно, потерпели поражение и едва ли им сразу хотелось осаждать солидный каменный нижегородский кремль, у защитников которого была артиллерия. Так что, надо полагать, к Нижнему Новгороду ночью 24 декабря 1535 г. они подошли не от Муром, а с востока и простояли несколько дней. По-видимому, их было более 1000 человек. В 1446 г. осаждать Устюг поплыло 700 казанских татар. Но Устюг имел небольшой деревянный острог на городище. А нижегородскую крупную и мощную каменную крепость даже внезапным налетом можно было штурмовать только с армией в тысячу, а то и в несколько тысяч бойцов. В 1445 г. сыновья средневожского хана Улу-Мухаммеда выставили против москвичей около 3500 человек. Не исключено, что такая же рать в 1535 г. пришла к Нижнему Новгороду.

Согласно Летописцу начала царствия Ивана IV, нижегородские воеводы не решились сразиться с татарами в открытом бою, тем более что служилых людей в городе едва ли было больше нескольких сот бойцов. В Полоцком походе 1562/1563 г. участвовало 350 нижегородских детей боярских³⁸. И это, по-видимому примерно соответствовало численности местной служилой корпорации, поскольку город, по заключению нижегородских археологов, пребывал после Едигеевой рати 1408 г. вплоть до XVII ст., в захиревшем

состоянии и не был плотно населен³⁹. Но когда казанцы ушли назад, воеводы пошли следом за ними, думая ударить с тыла и ожидая, что татары придут в Казанское ханство «к мещерским воеводам, а они сзади»⁴⁰. Следовательно, нижегородские воеводы задумали хитроумный план, который мог быть выполнен, если бы Гундоров и Замыцкий не вернулись в Мещеру, а по приказу Елены Глинской разоряли Казанское ханство. В итоге нижегородские воеводы просчитались, и казанцы благополучно прошли в свою землю. А воеводы Нижнего Новгорода не напали на татар и, как видно, остались стоять на казанских рубежах до получения дальнейших распоряжений из Москвы. Узнав о том, что мещерские воеводы не перехватили татарскую рать на территории ханства, Елена Глинская велела нижегородцам возвратиться назад, а Гундорову и Замытскому явиться в Москву, где их заточили в тюрьму за измену в назидание остальным. Между тем казанцы вскоре совершили новый набег. Согласно Летописцу начала царства Ивана IV, через считанные дни, 6 января они вновь вторглись в Русские пределы и напали на Балахну, подпалив городские дворы⁴¹. Интересна не привлекавшаяся прежде исследователями разрядная запись: «Тово же лета приходил царь козанской на Болохну и посады пожар, а на Болохне был тогды боярин и воевода Иван Васильевич Хобар Симской с товарищи. И бой им с козанским царем был и Ивана Хобора тогды побии, а Иван утек на Болохну в мале силе»⁴². Последний отрывок, безусловно, дефектный — крепость в Балахне будет возведена только полгода спустя, поэтому разбитому «на Балахне» отряду Симского «утечь на Балахну» было некуда: никаких укреплений, в которые можно было убежать, балахнинские «посады» еще не приобрели⁴³. Очевидно, он сбежал в Нижний Новгород и сообщил местным воеводам «весть» о взятии Балахны. (Нужно учесть, что слово «посад» иногда означало просто неукрепленные предместья, как села и монастыри, пожженные новгородцами в 1471 г.⁴⁴ Балахна была к 1536 г. крупным промышленным и торговым поселением⁴⁵, потому ее условно могли называть посадом, а не селом).

Летописец начала царства Ивана IV в повести «О Балахне» тоже

сообщает, что балахонцы вступили в неравный бой казанскими татарами. Но он не упоминал воеводу, а сосредоточил внимание на балахонских «черных людях», которые, как он полагал, не были приучены к военному делу. Поэтому, когда они вышли навстречу татарам, те многих перебили и взяли большой полон. Вероятно, отряд Хабора Симского был невелик и не играл решающей роли в сражении, поэтому летописец его не упомянул. Но не исключено, что он стеснялся писать о поражении служилого отряда, а все представил в трогательном свете разгрома татарами храбрых, но не обученных ратному делу поселян. Когда нижегородские воеводы услышали «весть» о вторжении татар Балахну и выступили навстречу, те отошли с большим полоном, состоящим, надо думать, прежде всего из балахонцев⁴⁶.

В лапидарном известии Воскресенской летописи тоже говорится об устроенных татарами 6 января 1536 г. поджогах «посада» Балахны и «поимании» многих «беглых» людей «на Волге» (вероятно, тех же не обученных военному делу балахонцев), а также об отступлении татар, когда на них пошли русские воеводы⁴⁷. Иначе описал поражение балахонцев казанский летописец: когда татары подошли на утренней заре, балахонцы оплошали, потому что были пьяны, веселясь «о Боге»⁴⁸. Хронист спутал дату и отнес нападение татар не к началу января, а к февралю – «мясной неделе», хотя Балахна была захвачена 6 января, на день Богоявления. Любопытно, что сам хронист отмечает, будто балахонцы веселились «о Боге»⁴⁹. Да и версия о массовом пьянстве балахонцев накануне праздника кажется несостоятельной. За день до Богоявления на Руси не было обычая массового празднования. Кроме того, казанский летописец уверял, что татары брали не живой «плен», которым не хотели себя обременять, а добро балахонцев, богатые ткани и др., с чем потом ушли в свое ханство. Но это противоречит словам того же источника, будто татарский отряд насчитывал 6000 человек⁵⁰, достаточное количество, чтобы управиться с живым полонем даже из крупного поселения. Балахна тогда еще не стала городом, не имела крепости и находилась в подчинении Узольской волости. Правда, не исключая, что цифра 6000 завышена на порядок, ведь

татары не стали связываться с нижегородским отрядом из 3-4 сотен детей боярских.

К январю 1536 г. в Летописце начала царства Ивана IV также относится приход войска казанских татар и черемисов в Коряково (Корякова слобода находилась на левой стороне Волги, на берегу против Юрьевца). Хронист поместил рассказ в источнике ниже похода на Лысково, в отдельной повести «О казанских»⁵¹. Согласно тому же источнику, их там же в Коряково разбили нижегородские воеводы Семен Сабуров и Иван Карпов. Русские многих татар и черемисов побили, а многих пленили и отправили в Москву, где они были потом казнены по великокняжескому указу⁵². О потерях русской стороны источник умалчивает. Но после боя казанцы ушли в свои земли. Датировка набега косвенно подтверждается данными разрядных записей: с 20 февраля Сабуров и Карпов уже не были воеводами Нижнего Новгорода и окрестных городов. Лишь летом 1537 г. Карпов без Сабурова указан как нижегородский воевода⁵³. Таким образом, они занимали должности воевод в Нижнем Новгороде именно в январе 1536 г., ибо за этот период в разрядных записях по данному городу имеется лакуна (известно лишь имя Хабара Симского, оказавшегося в Балахне во время прихода татар).

Объявившийся в Коряково татарско-черемисский отряд был не крупным. Хотя летопись отмечает, что это были «многие люди», но не пишет, что он заметно превосходил по численности нижегородское войско, составлявшее около 350 детей боярских. Городов он не трогал, разоряя сельскую местность. Численность обеих сторон могла быть примерно равной. Казанцы не бежали при приближении русских, как это бывало во время некоторых других набегов, а приняли бой⁵⁴.

Кроме того, отдельная татарская рать в ту зиму пошла на север, в Вологодскую землю. Согласно известию опубликованного М.Н. Тихомировым кирилло-белозерского летописца, «генваря в 18 день приходили татарове казанские в Вологодцкой уезд в Жиленховскую волость» (округу нын. с. Жилино Солигаличского района Костромской области. — М.Н.) и многих

людей посекли, а иных в полон взяли»⁵⁵. Любопытно, что Летописец начала царства Ивана IV отметил, что в том же месяце жители окрестных галицких волостей Корега, Залесье, Железный Борок решили поставить в окрестностях крепость⁵⁶ (будущий Буй — г. Буй Костромской обл.). Все эти волости находились неподалеку от Жилино, в пределах теперешнего Буйского района Костромской обл., нын. с. Корега, Николо-Залесье и Борок. Не исключено, что татары проходили через эти места по пути к Жиленковской волости или возвращаясь назад. И это убедило русских в необходимости строить город.

Остатки крепостного земляного вала XVI в. г. Буй Костромской области

(Вообще исследователи полагают, что в результате данной русско-казанской войны московское правительство активно занялось крепостным строительством на «казанской украине» и помимо Буя построило от татар еще 9 крепостей⁵⁷. Между тем такие сведения есть только о Любиме, основанном в 1538 г. по челобитию окрестных жителей, которым от «казанских людей

убежищей нет». Но постройки крепостей в Перми, Владимире и Ярославле трудно связать с обороной от казанцев. Пермь возвели еще летом 1535 г., до начала кампании. Владимир и Ярославль отстроили после пожаров, что было бы уместно и в мирное время. О других крепостях также нет данных, что их сооружали для защиты от татар. Однако такого значения их постройки тоже не стоит исключать. Тот же Буй был, вероятно, выстроен именно в этих целях).

Отметим, что татарское войско благополучно миновало города Кострому, Галич и беспрепятственно разоряло окрестности Жилина. По-видимому, это была маленькая, маневренная рать, способная внезапно налетать и ретироваться, вроде небольшого большеордынского отряда, вторгшегося летом 1449 г. в Московскую землю в район р. Пахры, разбить который смогла тоже маневренная малочисленная конница служилого царевича Касима. Но даже ей не удалось догнать все войско противника и отбить весь захваченный полон. Вот только северная казанская рать в январе 1536 г. не встретила на своем пути никаких препятствий со стороны русских войск и благополучно вернулась с полоном.

По мнению В.В. Каргалова, именно этот поход упомянут в житии Корнилия Комельского, памятнике XVII в.⁵⁸ Согласно житию, татары приблизились к монастырю, и Корнилию пришлось уйти пережидать набег. Но это не согласуется с удаленным расположением обители относительно Жилино. Надо полагать, что в действительности появление татар под стенами монастыря (Корнилиевский район Вологодской обл.), произошло в 1538 г., когда они были в тех местах. Правда, Корнилий по некоторым сведениям к тому времени уже умер. Но живший почти сто лет спустя агиограф мог не знать дату набега и связать приход татар с близкими по времени годами жизни святого.

Кроме того, Летописец начала царства Ивана IV в особой повести «о казанских татарехъ» сообщает, что в январе 1536 г., казанские татары опять явились под Нижний Новгород, о чем пришла весть воеводам муромским и нижегородским. Главный муромский воевода князь Федор Мстиславский вместе с нижегородскими воеводами пошел на них войной, побил у них 50

человек «загонщиков» (так предположительно называли на Руси отдельные отряды, посланные с какой-либо целью⁵⁹). А самих «татар», т. е. основные их силы, воевода со своими людьми под вечер настиг стоящими лагерем под Лысково (населенный пункт у правого берега Волги ниже по течению Нижнего Новгорода)⁶⁰.

Наиболее ранняя редакция Летописца начала царства Ивана IV уточняет, что это событие произошло вечером в четверг⁶¹. Вместе с тем, по летописной версии, русские на татарский лагерь не напали из-за наступления темноты, а татары сами в ту ночь бежали. Однако по словам того же источника, и русские воеводы потом тоже «собе дрогнули» и вернулись в свои города⁶². Ранняя редакция Летописца начала царства Ивана IV при этом заключает, что «люди все, дал Бог, здоровыми пришли»⁶³. Надо понимать, что они опасались столкновения с татарами, которого, по Божьей воле, не произошло. Поздняя редакция Летописца начала царства уточняет, что в Нижний Новгород они пришли в тот же день⁶⁴, очевидно, в пятницу, т. е. за день проскакали около 80 км. Такая скорость могла быть вполне реальной в одном случае — если они ехали без обоза или если тот изначально был, но в спешке его бросили. Во всяком случае, русские воеводы опасались основных сил противника не только в темное время суток. И это могло быть истинной причиной их ненападения на татарский лагерь вечером. Однако в бегстве татар нет оснований сомневаться — рассказ о них на этом прекращается.

Ученые отнеслись с доверием к летописной датировке этих событий январем 1536 г.⁶⁵ Но согласно незамеченному историками документальному свидетельству разрядной записи, это произошло в марте. Ведь с сентября 1535 г. Мстиславский был воеводой в Коломне⁶⁶, а в Муром переведен лишь 20 февраля 1536 г., после чего в марте и принял участие в походе против татар к Лысково: «Февраля с 20-го числа стояли воеводы в Муроме в городе боярин князь Дмитрий Федорович Бельской да князь Олександра Ондреевич Хохолков Ростовской. В Муроме же за городом были воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Михайло Михайлович Курпской Корамыш, да Иван

Петрович Федоров Челяднин, да Григорей Юрьевич Захарьин, да князь Иван Михайлович Троекуров. В Новегороде в Нижнем в городе окольникей Иван Семенович Брюхо Морозов. А за городом в Нижнем воеводы князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да окольникей Иван Семенович Воранцов Фока, да Иван Иванов сын Хобаров, да князь Семен княж Федоров сын Олабыщев, да князь Иван княж Федоров сын Мезецкой. И марта в 6 день писал ко государю и великому князю к Москве из Нижнева Новогорода окольникей Иван Семенович Брюхо Морозов, что козанские люди начевали за десять верст от города на Ельне. И князь великий велел итить из Муром к Нижнему Новугороду воеводам и роспись к ним прислал, и велел быть по полком: в большом полку князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Михайло Михайлович Курбской Корамышев. В передовом полку князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да князь Иван Михайлович Троекуров. В правой руке Иван Петрович Федоров Челяднин да князь Семен Федорович Алабышев. В левой руке окольникей Иван Семенович Воранцов Фока да Иван Иванович Хобаров. В сторожевом полку Григорей Юрьевич Захарьин да князь Иван Федорович Мезецкой Сухой. А ходили воеводы за козанскими людьми до Лыскова острова Волгою»⁶⁷.

Ценность этой записи заключается в том, что она дает подробные сведения о расположении полков в походе к Лысково, а кроме того уточняет, что русские войска двигались к Лысково по волжскому льду, и косвенно упоминает о стоянке казанцев на «Лысковом острове». Очевидно, это безымянный остров посреди Волги, расположенный напротив Лысково. Казанская рать, вероятно, была небольшой. Городов она не разоряла и стояла у Лысково все те дни, пока весть о ней пришла за 80 км в Нижний Новгород, Нижегородцы за 400 км послали весть в Москву, из Москвы почти что за 300 км пришел указ в Муром местным воеводам идти к Нижнему Новгороду (еще 150 км), а от Нижнего муромцы вместе с нижегородцами прошли по льду Волги на юго-восток более 80 км. На все это требовалось не меньше 2 недель (это, возможно, объясняло причину столкновения русских с отдельным отрядом «загонщиков»: во время

долгого стояния татары, скорее всего, разорили ближние села и посылали загоны добывать пищу для себя и своих коней в других местах). Если донесение нижегородского воеводы в Москву было написано 6 марта, то встреча с казанцами состоялась во второй половине месяца. Лед на Волге в Нижегородской обл. в это время достаточно крепкий, чтобы выдержать конницу. Правда, казанское войско могло быть крупнее нижегородского: нижегородский воевода не понадеялся на свои силы и послал в Москву за помощью, зато, вероятно, их число было сопоставимо с муромско-нижегородским воинством, составлявшим около 7 сотен человек (Нижний Новгород, согласно разрядам Полоцкого похода, выставлял 350, а Муром — 390 детей боярских)⁶⁸. С основными силами татар русские под Лысково не сразились якобы из-за наступления темноты, но и казанцы не дождались ясного дня и в ту же ночь бежали. Вместе с тем русские воеводы опасались воевать с ними даже днем. После ухода казанцев они «дрогнули» и бежали в свои города.

Во второй половине того же года новая татарская рать посетила места Костромские и Галицкие. Согласно летописцу начала царства Ивана IV, «приходили казанские люди многие на Костромские места и на Галицкие, и князь великий послал воевод своих Михаила Сабурова да князя Петра Пестрого-Засекина. И воеводы сошлись с казанцами на Куси на речке (р. Кусь Костромской обл., приток Немды. — М. Н.), и казанские люди многие людей великого князя побили, и князя да Меньшика Полева убили и многих детей боярских побили»⁶⁹. Замечу, что практически дословный рассказ приводят Воскресенская летопись и разрядные записи⁷⁰. Вселенский синодик 1684 г. перечисляет среди павших русских воевод Ивана Васильевича Чертенка и Василия Ивановича Писемского⁷¹. В источниках отмечена многочисленность татар⁷², но, возможно, имеется в виду то, что было их много по сравнению с побитым русским отрядом. Тем более что русские «воеводы не собрався с теми людьми что с ними были, да поскорили наехать на татар»⁷³. (В Никоновской и Львовской летописи где текст Летописца начала царства Ивана IV подан в поздней редакции, этот кусок, может быть, сознательно вырезан. В разрядных

записях тоже нет этой информации. Но в Воскресенской летописи указано, что воеводы «пришед на Казанские люди, не съждавшись с людьми»⁷⁴).

Судя по всему, это была небольшая татарская рать, вроде той, что ходила в январе к Жилину. Благополучно пограбив земли под Костромой, она объявилась под самым Галичем на Куси, где ее неудачно попыталась разбить еще меньшая русская рать. Воскресенская и Никоновская летописи отмечают, что Засекин и Полев стояли в «заставе»⁷⁵. Вероятно, они должны были остановить татар в районе близких к Галичу верховьях реки (та течет с запада на восток, и самый западный участок ее верхнего течения наиболее близок к городу). Татары разгромили неприятельскую заставу. Вместе с тем, согласно уникальному сообщению Никоновской летописи, казанцы вскоре сами ретировались, «услышав» приближение «больших воевод»⁷⁶. Скорее всего, это были те самые отставшие отряды, которых не взяли с собой на Кусь русские воеводы. Данные сведения, возможно, отчасти тенденциозны: Никоновская летопись сообщает о бегстве татар, но умалчивает о том, что русские воеводы не собрали перед боем свои войска. Но вместе с тем, ни один источник не упоминает иных грабежей этого татарского отряда, заканчивая рассказ о нем боем на Куси. Поэтому сведения Никоновской летописи о бегстве татар в связи с подходом русских сил вполне правдоподобны.

В Летописце начала царства Ивана IV сведения об этом набеге помещены между известиями о приезде литовского посла Никодима 30 июля и о смерти князя Юрия Ивановича 3 августа 1536 г.⁷⁷, поэтому обычно считается, что поход был летом⁷⁸. Но, памятуя об ошибочной летописной датировке похода татар к Лыскову, я допускаю, что этот эпизод мог иметь место осенью. Не исключено, что этот, а не другой набег (как обычно полагают исследователи⁷⁹) упомянут в Галицком летописце: «приходили татарове и Черемисы в осень»⁸⁰. Летом союзник Сафа-Гирея Сахиб-Гирей послал свои крымские войска к Рязани. 18 июля крымские «мурзы» воевали под ней. Таким образом, на Русь оказывала давление не только Казань, но и Крым. Быть может, слухи о крымском набеге на Рязанщину стали поводом для преувеличенных сведений современного

новоторжского летописца М. Левкеинского, будто казанское войско пограбило в тот год русские земли до Муром⁸¹. Впрочем, этот хронист и так плохо знал политическую географию Поочья: к подданным Сафа-Гирея он причислил касимовцев⁸².

Зимой 1536/1537 г. крымцы вместе с казанцами устроили совместный набег на Русь. В январе в Москву стали «вести приходить, что собирается казанский царь Сафа-Гирей с многими людьми с казанцами и иными ордами, с крымцами и ногаями, а помышляет идти на костромские места и на галичские. И князь великий, слышав то, послал воевод своих во Владимир и в Мещеру. Царь же казанский, уздав, что на Кострому и в Галиче великого князя стоят многие люди, злый и лукавый якоже змий вынурну из хвастия, тако и сей из леса приде безвестно января в 15 день под Муром»⁸³. Впрочем, набег на Галицкие земли все-таки состоялся. По Продолжению хронографа редакции 1512 г.: «Тое же зимы многие к[азаньские лю]ди приходили на Костро[мские места] и на Галичские и, грех ра[ди и наших, воло]сти и села многие воев[али в полону] много безчислено имали, [и галичские] места пусты учиниш[а]»⁸⁴. По мнению В.В. Каргалова⁸⁵ это был иной, отдельный поход. Однако после поражения под Муромом татары ушли из Московского княжества. Другое дело, что татары, видимо, планировали взять сами города — Кострому и Галич, но, увидев в городах большое войско, ограничились грабежом сел. Вместо этого Сафа-Гирей пытался взять Муром, на который совершил внезапный набег. К городу он прибыл 15 января. Согласно Вологодско-Пермской летописи, с ним был «старый казанский» князь Булат, а также Чура Нарыков. В Муроме было несколько сот служилых людей (разряд Полоцкого похода упоминает 390 муромцев). Казанское войско, сумевшее по-змеиному незаметно подкрасться к Мурому, едва ли было намного крупнее двора казанского хана в 700 человек, что в 1446 г. осаждал аналогичные дерево-земляные укрепления Устюга. В 1456 г. «изгонная» великокняжеская рать, оцениваемая новгородским хронистом как пятитысячная, сумела поутру 2 февраля неожиданно вторгнуться в Русу, но новгородцы до обедни того же дня уже были в курсе направления ее движения и

выступили из города. И, конечно, гонец без современных средств передвижения поскакал в Новгород то того, как она вошла в Русу. А вот о передвижении татар в Муроме заранее не узнали. Как видно, они исчислялись сотнями и потому могли не привлекать к себе лишнего внимания.

Согласно Летописцу начала царства Ивана IV, придя к Мурому, Сафа-Гирей «посады пожег, и к городу (крепости) приступать начал»⁸⁶. По Вологодско-Персмкой летописи, татары разорили и торг⁸⁷. Сам «город» – крепость захватить не удалось. Летописец начала царства Ивана IV сообщает, что ее обороняли пушками и пищальми, вдобавок ее защитники сделали вылазку и побили татар⁸⁸. Хронограф XVII в. также констатировал, что татары «ничто же успе» взять крепость⁸⁹. Впрочем, официальный Летописец начала царства Ивана IV несколько преувеличивает успехи муромских воевод. На самом деле силы были примерно равны: муромцы с огнестрельным оружием отстояли крепость, но не могли выгнать татар, ставших в предместье Глядичье (нын. Дмитриевская слобода⁹⁰), которое фактически примыкало к посаду. В нем хан Сафа-Гирей, согласно Вологодско-Пермской летописи, простоял три дня (до 18 числа), распустив при этом свою «облаву»⁹¹. То есть он чувствовал себя фактически рядом с муромской крепостью совершенно спокойно, не боясь муромской атаки. Опубликованный В.И. Корецким и Б.Н. Морозовым летописец XVII в. кратко резюмировал, что казанцы внезапно появились под Муромом, повоевали его посад и села⁹². По словам Постниковского летописца, татары повоевали земли до Нижнего Новгорода⁹³. Не исключено, что именно тогда-то (а не в 1536 г., вопреки хронографу XVII в., были татарами пограблены лежащие на этом пространстве Гороховец и Березополье, ведь в 1536 г. татары, судя по всему, западнее Нижнего Новгорода не ходили, а от него пошли назад). Однако, по словам Летописца начала царства Ивана IV, когда татары узнали, что против них из Владимира и Мещеры к Мурому идут войска, то поспешили уйти⁹⁴. Свежие русские силы составляли всего несколько сот человек. Владимир в XVI в. выставлял на войну около сотни человек (см. документы о битве при Молодях 1572 г., десятню по Владимиру и Мещере 1590 г.)⁹⁵. Мещера

по данным разрядов Полоцкого похода 1562/1563 г. выставляла 280 детей боярских. Но и такое подкрепление для казанцев, которые сами исчислялись сотнями, было небезопасным, и они ушли. Стоит отметить, что в казанском войске была хорошая дисциплина – даже разбредаясь на грабежи на десятки километров, оно быстро собралось и ретировалось.

По словам официозного московского хрониста, русские воеводы пошли по царскому указу. Однако сомнительно, чтобы с 15 до 18 числа в Москве успели получить почти за 300 км весть о приходе татар и отдать распоряжение во Владимир и Мещеру так, чтобы войска оттуда еще успели приблизиться к Мурому. На это требовался большой срок. Очевидно, изначально, до вторжения татар в Муромские посады, московские власти приказали этим воеводам, если татары попытаются взять город, выступить против них с войском. За 3 дня муромцы могли успеть послать весть в эти города, а тамошние воеводы – приблизиться к Мурому. Согласно Постниковскому летописцу, из Елатьмы (Мещеры) пошел воевода князь Михаил Кубенской, из Владимира князь Роман Одоевский и Василий Шереметев, этот же источник сообщает имя главного муромского воеводы – князь Михаил [Михайлович] Курбский⁹⁶, отец оппонента Ивана Грозного. Отмечу, что Мещера здесь названа Елатьмой. (По-видимому, ближе к истине А.В. Беляков, отождествляющий эти города⁹⁷. Правда, его оппоненты указывают, что в документе 1608 г. Мещера и Елатьма — разные населенные пункты⁹⁸. Но по данным XVI ст. видно их тождество). В целом можно заметить, что московское правительство к началу 1537 г. приняло некоторые меры для отражения татарского набега. Кострома и Галич были подготовлены к неприятельскому вторжению, и татарам пришлось отказаться от их грабежа. Муромцы же не ждали появления казанцев. Но и этот случай тоже был предусмотрен в Москве – владимирский и мещерский воеводы имели приказ при необходимости прибыть на подмогу. Именно к июлю того же 1537 г. относится первая разрядная запись об обороне казанской «украины» с росписью русских воевод, нарочно поставленных в приграничных городах для защиты страны от казанских набегов⁹⁹.

В сентябре 1537 г. «князь великий Иван Васильевич и мать его великая княгиня Елена приговорили воевод на весну в судах послать к Казани, да и в конной рати воевод». Однако «тот поход к Казани не был». Казанский хан Сафа-Гирей «прислал к великому князю своего человека Усеина о мире» По заключению В.В. Каргалова, «московское правительство, учитывая трудности организации большого похода на Казань в условиях обострения русско-крымских отношений, охотно пошло на переговоры»¹⁰⁰. К этому можно добавить, что согласно сохранившемуся списку крымской грамоты, доставленной в Москву в ноябре 1537 г., Сахиб-Гирей угрожал Москве войной, если великий князь не помирится с казанским ханом. В ней, как отмечалось выше, крымский хан откровенно назвал Казань своим «юртом» и своей «землей»¹⁰¹. В январе 1538 г. в Москву прибыла новая грамота от крымского хана с угрозой. По словам А.Б. Кузнецова, «в Москве стало ясно, что русский поход на Казань может привести ее к вооруженному столкновению с Крымом и, может быть, с Турцией, стоявшей за спиной Крымского ханства. В условиях неурегулированности русско-литовских отношений такое столкновение могло иметь для России самые тяжелые последствия. Поэтому Русское государство вынуждено было отступить, отказавшись от похода на Казань»¹⁰².

Вместе с тем казанские набеги на Русь продолжались. Уже в начале 1538 г. казанцы вторглись в русские земли. Зимний поход казанских татар на Муромщину, Костромские, Галицкие и Вологодские земли в 1538 г. подробно описан В.В. Каргаловым¹⁰³. К этому можно добавить несколько моментов: татары, по-видимому, вторглись на Русь со стороны Мурома: сожженное татарами монастырское село Чагадаево — это Чаадаево, расположенное на берегу р. Оки в 9 км от Мурома. В Вологодской области они пограбили Павлову Пустынь — Павлов Обнорский монастырь и дошли «до Комелы», очевидно тогда же, как было сказано выше, подошли к Корнилиево-Комельскому монастырю.

Источники отмечают, что татары брали людей в полон, разоряли обители. Любопытно также, что ни один из источников средней полосы России, или

Русского Севера, не сообщает, что казанцы встречали военное сопротивление, или въезжали на территорию каких-либо городских посадов. Слова Соловецкого патерика, что «Вологда» «зло» «пострадала» не свидетельствуют о вторжении татар в городской посад, их допустимо понимать, как упоминание разорения вологодской округи. Вологодско-Пермская летопись уточняет, что татары не дошли до Вологды 6 верст¹⁰⁴. Псковский хронист отмечает, что казанцы разоряли, помимо «Муромщины» и «Костромщины» и монастырей, еще и города — Вологду, Галич, брали в полон многих людей, «плачь» по которым «бысть» как в «землех», так и «городе»¹⁰⁵. Видимо, псковского летописца впечатлил небывалый географический размах татарского набега — это единственный казанский набег тех лет, удостоившийся упоминания в псковском летописании. Обращает на себя внимание данная псковским книжником весьма вольная социальная характеристика взятых в плен казанцами местных жителей — тут и бояре с женами и дочерьми боярскими, и житьи (видимо, подразумевались дети боярские и зажиточные ремесленники, уведенные в полон)¹⁰⁶. Но он не владел достаточно точной информацией о татарских грабежах, так как ошибочно написал о вторжении в Вологду. Возможно, псковский летописец неверно приписал татарам и разорение Галича.

Соловецкий патерик, не склонный преуменьшать ущерб от татарского набега, уточняет, что те шли «мимо Галича»¹⁰⁷. Видимо, это была небольшая татарская рать, способная внезапно появляться и исчезать. Согласно свидетельству Соловецкого патерика, они появлялись неожиданно: «Безбожные татары казанцы, как змеи выползшие из тины, многие страны Российского царства зло уязвили: от Мурома даже и до самой Вятки, мимо Галича и Костромы, и, Вологда зло от них пострадала, по Сухоне даже до Устюга протекло их необузданное стремление, и неизбежное воинство черемисов с ними же ходило», а описывая разорение одной монастырской деревни на р. Сухоне, он отмечает: «Внезапно пришли от леса в деревню татары, людям же, не чающим прихода их, где можно спасенье получить? Разбежались они, а иные взяты были»¹⁰⁸. Значит, вопреки словам Галицкого летописца¹⁰⁹, рать татар была

совсем не «большая». Большой она могла казаться только жителям маленьких северных деревень, нередко насчитывавшим один или два двора. К этому же набегу явно относится резюме Никоновской летописи, что татары сделали «пустыми» земли г. Тотмы¹¹⁰. Видимо, этот же поход, имел в виду и Казанский летописец, резюмировавший что татары ходили на Вологодские земли¹¹¹.

Возвращались татары с севера, надо полагать, мимо Вятки. Соловецкий патерик указывает, что татары с черемисами ходили «даже до самой Вятки», а эти земли были по пути на юг из устюжской округи в Казанское ханство. (Может быть, именно этот набег послужил поводом для жителей района р. Обноры в августе того же 1538 г. бить челом в Москву о постройке города для «убежищей» от казанцев. Этим городом станет Любим нын. Ярославской обл. Местность лежала на пути татар из Галицкой округи в Вологодскую обл. к расположенному на той же Обноре Павлову Обнорскому монастырю).

Крепостной земляной вал XVI ст. в г. Любим Ярославской области

Все это не мешало казанскому хану делать вид, что он мирно настроен по отношению к Москве. «Казанские послы приезжали в Москву в феврале, в

марте, в мае, летом... 1538 г., хан Сафа-Гирей присылал грамоты, обещал «быть в мире с великим князем»¹¹². При этом не ослабевало дипломатическое давление со стороны крымского хана Сахиб-Гирея. 8 февраля в Москву прибыла от него грамота с требованием помириться с Казанью, не посылать на нее рать и не «имать» «оброков» с «казанских земель»¹¹³ (последнее означало требование отказаться от старых традиций времен московского протектората над Казанским ханством, когда Казань платила в Москву оброки). Еще крымский хан заявил, что станет недругом Ивану IV и грозил войной, если тот пошлет войска на Казань. Требование не воевать с Казанью в письме повторяется неоднократно. Не исключено, что зимний грабительский поход казанцев на Русский Север серьезно испортил московско-казанские отношения, или крымский хан опасался, что после этого набега великий князь может послать на Казань войска. 20 февраля из Москвы в Крым ушло письмо от имени 8-летнего Ивана IV, что ради «прошения» крымского хана он «удержал» свое войско от похода на Казань и готов поддерживать мир с Казанским ханством, как было при Иване III и Василии III¹¹⁴. Последнее можно понимать, как заявление прав на восстановление московского влияния над Казанью, какового добивались те государи.

Однако мир не был заключен, и Сахиб-Гирей не оставлял попыток повлиять на процесс переговоров с целью его подписания. В апреле 1538 г. он прислал в Москву грамоту, в которой как бы между прочим писал, что дед Ивана IV, Иван III вовсе не «посадил» в Казани своего ставленника. А вот родоначальник казанских ханов Улу-Мухаммед, которого Сахиб-Гирей назвал своим дедом, пленил прадеда Ивана IV, Василия II под Суздалем и мог отнять у него московское княжение, но разрешил ему править в Москве¹¹⁵. Крымский хан дал понять московскому государю, что претензии того на протекторат над Казанью лишены исторических оснований, а средневожский хан в свое время имел возможность пресечь княжение в Москве местной ветви Рюриковичей, но проявил милость. Московское правительство не могло воевать с Казанью и Крымом одновременно и долго принимало казанских послов. Но и заключать

мир не спешило. Дальше слов о готовности мириться дело не шло. Вероятно, одной из причин было требование Сафа-Гирея об уплате «поминок», которое русская сторона отклонила, ссылаясь на отсутствие таких прецедентов при бывших государях¹¹⁶.

А набеги казанцев не прекращались. Созданная в 1550-х гг. официозная Никоновская летопись поясняет, что казанский хан увидел «нестроения на Москве»¹¹⁷, что, впрочем, может быть не реальной оценкой казанской политики, а поздним идеологическим клише по отношению к эпохе боярского правления¹¹⁸. Осенью 1539 г. казанские татары вновь объявились в Жилинской округе и, по Галицкому летописцу, взяли недавно построенный город Жилин: «весной заложили город Жиланский», а уже «сентября в 20 день пришел Чюра Чарыков, князь казанский, с великой ратью и тот город взял»¹¹⁹. «Рать» Чуры Нарыкова источник назвал «великой», хотя она казалась такой лишь в сравнении с гарнизоном Жилина.

Город, по-видимому, был маленький, ибо о его взятии не сказано в официальном московском летописании. Очевидно, число служилых людей не превышало десятков, или единиц. Татар, возможно, было больше, но тоже немного. Ведь они беспрепятственно прошли по Галицкой земле, миновав все города и избежав в пути встреч с русскими отрядами. Скорее всего, они прицельно шли к Жилину, чтобы досадить русским разгромом их новой крепости. Для этого налета годилась рать в десятки человек. В конце XIV в. ордынский царевич Ейтак с сотней татар внезапно взял Нижний Новгород, тогда еще не имевший каменного кремля. В итоге Жилин был уничтожен. Согласно опубликованной Д.Ф. Белоруковым дозорной книге Солигалича 1614 г.: «Городище Жилинское. На речке на Шилохше заросло лесом большим, а около его городища лесу хоромного на пяти верстах, а истари бывал город, а запустел от казанских людей тому лет больше осмидесяти»¹²⁰. Правда, писец преумножил давность казанского набега более чем на 6 лет. Но заброшенное состояние городища описано документально. Даже в XVII в. в тех краях помнили о татарском разорении города. В ноябре того же 1539 г. разрядная

запись кратко упоминает приход Сафа-Гирея под Муром, давая подробную роспись находившихся в те дни в этом и других приграничных городах Руси воевод¹²¹. Не исключено, что татары быстро отступили, узнав, что к его приходу противник хорошо подготовлен. Потому ни о каких грабежах не упоминается. Согласно А.Г. Бахтину, татары в тот год были в Нижегородской округе. Но эти сведения, как и о татарском походе в те места в 1544 г.¹²², восходят к неверной ссылке Г.З. Кунцевича¹²³ на Нижегородский летописец. На самом деле в нем записи за 7047 и 7052 гг. отсутствуют¹²⁴.

Весной 1540 г., согласно Продолжению хронографа редакции 1512 г., «приходили на Костромские места казанские люди, Чюра Нарыков, а с ним было [8000] человек казанцов и черемисы и чува[ш]и, а воевали многие Костромские [м]еста и князь Ивановскую отчину [Бел]ского у Пятницы святые на Сол[доге], и великого князя воеводы, князь [Анд]рей Иванович Холмской да князь Александр Борисович Горбатой [и иные] многие воеводы со многими [людми] Московские земли и Новгород[ск]ие, ходили на них из Володимера и дошли их у Пятницы ж [святой на] Солдоге и, грех ради наших, не успе [им ни]чего, а убьен бысть тогда на той брани на Волге князь Борис Сисеев да Василей Феодоров сын Кожин Замытьской»¹²⁵. Схожий, но более сокращенный текст есть в разрядных записях¹²⁶. Вселенский синодик 1684 г. упоминает в числе павших на Солдоге помимо Сисеева князя Никиту Ивановича Засекина¹²⁷. В Вологодско-Пермской летописи упомянуты четыре павших воеводы — кроме Сисеева и Засекина, еще и князь Федор Курбский и Андрей Тулупов¹²⁸. Но, хотя некоторые ученые доверяют сведениям Продолжения хронографа редакции 1512 г. о восьмидесяти тысячном татарском войске¹²⁹, видимо, в действительности она была меньшей. Сомнительно, чтобы ради грабежей сел татары шли большей ратью, чем в 1537 г. брать Муром. Города на этот раз они обходили, тем более, что официальное московское летописание не сообщило об этом набеге, но если бы татары собрали небывалую за эти годы крупную рать, оно бы конечно, не умолчало об этом. К тому же московское войско вместе с «новгородским» — нижегородским охарактеризовано хронистом как «многие люди». В связи с этим

надо полагать, что на самом деле отряд татар исчислялся не тысячами, а сотнями и был сопоставим с московским-нижегородским войском (которое по тем временам не превышало сотен служилых людей).

Надо думать, встреча казанцев с русскими произошла на обратном пути. Место встречи – Солдога, нын. г. Заволжск, расположенный на правом берегу Волги напротив г. Кинешма Ивановской обл., лежит к востоку от Костромской округи. Бой закончился неудачно для русских. Те «не успели» татарам «ничего» и понесли потери. Но и казанцы прекратили грабежи и ушли к себе. В Вологодско-Пермской летописи сообщается что после боя на Солдоге «сами татарове побегоша» но потом к ним навстречу подоспели новые «воеводы великого князя» - Шах-Али и князь Федор Мстиславский и разбили их, отняв у них весь русский полон¹³⁰. Несколько иначе участь русского полона описана в более позднем летописце XVII в., опубликованном В.И. Корецким и Б.Н. Морозовым — по его словам, часть пленных татары бросили, а вот другую часть перебили¹³¹. По словам Вологодско-Пермской летописи, иные татары «по лесом разбегошася и от мраза изомроша, мало их осташася»¹³². Стояла ранняя весна: Продолжение хронографа редакции 1512 г. помещает рассказ об этом набеге перед упоминанием солнечного затмения 7 апреля¹³³. В это время в средней полосе России нередки холода. Если бежавшие татары не взяли шатры и кресала, им грозила ночевка под открытым небом без возможности обогреться и многие были обречены на гибель от холода.

18 декабря 1540 г. «приходил под Муром казанский царь Сафа-Гирей со многими людьми казанскими и крымскими и ногайскими, пришел безвестно под город, стоял два дня, а людей многих распустил около города села воевать»¹³⁴. Поскольку с казанцами шли ногайцы и крымцы, поход на Муром, вероятно, состоялся по договоренности с крымским ханом, а также союзной Ногайской ордой¹³⁵. Летописец отмечает, что рать состояла из «многих людей». Продолжение хронографа 1512 г. оценивает численность войска в «30 000 человек»¹³⁶. Некоторые ученые верят этой цифре¹³⁷. Между тем она не представляется правдоподобной. Такое несметное воинство не сумело бы

незаметно подойти к Мурому. Другое дело, что, возможно, по сравнению с походом на Муром 1537 г. в этот раз татарское войско было более крупным: Летописец начала царства Ивана IV выделяет участие в обороне Мурома не только служилых, но и посадских людей, сообщая, что крепость обороняли не только «муромские дети боярские» но и посадские, «градские» люди¹³⁸.

Разрядные записи за декабрь того года дают наиболее подробную роспись муромских воевод: «Лета 7049-го (1540) году декабря в 6 день роспись от казанские украины, как царь козанской Сафа-Кирей приходил к Мурому... В Муроме в царев приход были воеводы князь Иван Федорович Стригин-Ряполовской, Иван Васильев сын Шереметев Большой, князь Петр княж Иванов сын Деев. А в городе в Муроме Иван Петров сын Заболотцакого да князь Иван княж Федоров сын Сухово Мезецкого»¹³⁹. Согласно Летописцу начала царства Ивана IV, татары пытались взять крепость, но муромцы во главе с воеводой Иваном Стригиным Ряполовским оборонялись пушками и пищальми, а кроме того Ряполовский, а также И.В. Шереметьев и П.И. Деев (по данным разрядных записей они значатся в декабре того года муромскими воеводами)¹⁴⁰ вместе с муромскими служилыми и посадскими людьми совершили вылазку, во время которой бились с татарами под стенами крепости в открытом бою¹⁴¹. Неизвестно, нанесли ли они татарам большой урон и серьезное поражение. Вероятно, нет – Продолжение хронографа не упоминает злоключений татар под стенами Мурома, больше уделяя внимания их грабежам в городской округе¹⁴².

Можно в общих чертах реконструировать хронологию набега. Согласно выше процитированному рассказу Летописца начала царства Ивана IV, под городскими стенами татары простояли всего 2 дня, то есть до 20 декабря. Между тем до прихода владимирских полков, после которого татары отступили, прошло не меньше недели — владимирцы, получив известия от муромцев, прибыли к Мурому примерно в одно и то же время, что и служилый касимовский царевич Шах-Али, выступивший из Касимова по великокняжескому приказу: согласно тому же источнику, татары поспешили уйти восвояси, заслышав о приближении к Мурому Шах-Али и владимирцев¹⁴³.

Владимир находится от Муромы чуть менее, чем в 150 км, а Касимов в полтора раза ближе, примерно в 100 км. Очевидно, владимирцы (которые, в отличие от касимовских татар, не задерживались нигде по пути для боев с татарами в русских городах) также выступили не сразу, а получив распоряжение государя. Расстояние от Владимира до Москвы около 200 км, а от Касимова — около 300. Не исключено, что касимовцы получили приказ идти к Мурому раньше владимирцев. До Владимира муромский гонец мог доскакать 19 декабря (в 1472 г. весть о приходе к Алексину 29 июля ордынских татар дошла за те же 150 км. в Москву через сутки). До Москвы весть, соответственно, дошла не ранее 21 числа, и княжеский гонец прискакал во Владимир около 23.

Во Владимире, судя по разрядным записям, в то время были воеводы «по полком: В большом полку бояре князь Дмитрий Федорович Бельской да князь Микита Васильевич Оболенской Хромой. В правой руке боярин князь Юрьи Михайлович Булгаков да дворецкой углецкой Федор Семенович Воранцов Демид. В передовом полку князь Олександра Борисович Горбатой да князь Василей Федорович Охлябинин. В левой руке окольников Иван Семенович Фока Воранцов да князь Давыд Федорович Палецкой. В сторожевом полку конюшей и боярин Иван Петрович Федоров Челяднин да князь Юрья Иванович Гундоров»¹⁴⁴). Лишь 25-26 декабря 1540 г. владимирцы смогли подъехать к Мурому. Скорее всего, 26-го. В Касимов царский гонец вряд ли успел до 24 числа, и поскольку по пути касимовцы сделали остановку в Мещере и разбили сидевший в ней ногайский отряд¹⁴⁵, едва ли они до 26 числа приблизились к Мурому.

Не позднее начала 20-х чисел Сафа-Гирей распустил войска грабить земли. Летописец начала царства Ивана IV отмечает присутствие «в загонах» ногайцев в Мещере, лежавшей на пути от Касимова к Мурому (что косвенно подтверждает вывод о ее тождестве с Елатьмой), а также упоминает иные татарские отряды «загонщиков», разорявших муромскую округу¹⁴⁶. Указание на загонный характер этих отрядов, возможно, означало, что они действовали по распоряжениям казанского хана. В ходе этих грабежей был razoren

Борисоглебский монастырь, расположенный в 18 км от Мурома (с. Борисоглеб). Согласно Жалованной грамоте Ивана IV архимандриту Борисоглебского монастыря на сожженные казанскими татарами монастырские церкви и дворы на р. Ушне и д. Бараново от 21 апреля 1541 г., татары разорили саму обитель и окрестные села: «А сказывают, что деи в их манастире были две церкви Борис и Глеб да святыи Фрол и Лавер, а около деи манастиря были дворы манастирские с крестьяны, да деревня Бораново, и те деи две церкви, и келеи, и дворы, и деревню съзжыгли казанские люди, а крестьян деи в полон вывели, а иных высекли, да и животы и статки поимали, а мелкую деи животину высекли. И мне бы архимарита Семиона з братьею пожаловати, велети им дати лготы от своих податей. И яз, князь великий, борисоглебского архимарита Семиона з братьею пожаловал, кого собе к тому манастирю». Иван IV распорядился заселить запустевшее монастырское село новыми людьми: «И в деревню в Боранову призовут жити крестьян неписменных и нетяглых, и тем их крестьяном не надобет моя, великого князя, дань, ни ямские денги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни иные некоторые пошлыны на пять лет. А как отсидят свои урочные лета, и они потянут во всякия наши пошлыны и потуги по писцовым книгам, чем их наши писцы опишут»¹⁴⁷.

Разорением Мещеры и Муромского уезда дело не закончилось. По словам Продолжения хронографа 1512 г., татары разорили не только Муромские «места», но «и Стародуб-Реполов (нын. село Клязьменский городок Владимирской области), и Пожарских князей отчину пусту учинили (с. Мугреево-Никольское Ивановской обл.), и людей много в полон поимали, да и Владимирские волости воевали». Последние находились ближе к Московскому уезду из всех областей, разоренных в эти годы казанцами. Позднее князь А.М. Курбский вспоминал, что «было все пусто» в 18 милях (ок. 135 км) от «Московского места»¹⁴⁸. Думается, именно этот зимний набег упомянут в опубликованном В.И. Корецким и Б.Н. Морозовым летописце XVII ст. Хронист отмечал, что казанские татары зимой пришли во Владимирские волости и захватили много полона. Но, должно быть, по ошибке он поместил это известие

в прошлогоднюю погодную запись¹⁴⁹. Вторглись татары в те дни и в Нижегородские «места»¹⁵⁰. А когда около 26 декабря Сафа-Гирею пришла весть о приближении к Мурому Шаха-Али и владимирцев, он вместе с войсками быстро ретировался. Таким образом, хан держал под контролем перемещения своих отрядов и имел с ними быструю связь.

Понес потери лишь один ногайский отряд, занявший Мещеру и разбитый в ней служилыми татарами Шаха-Али. Кого-то убили, а пленных отослали в Москву. Но ногайцы были не частью казанского войска, а союзным отрядом. По-видимому, он был некрупный: разбившее его служилое касимовское войско само составляло сотни. Согласно разрядам Полоцкого похода, Шах-Али выставлял на войну менее 700 касимовских татар¹⁵¹. А казанцы и крымцы успели ретироваться. Организованное бегство татар от касимовцев и владимирцев тоже говорит в пользу их малочисленности. Владимир в XVI в. выставлял около ста воинов, и вместе с касимовцами подкрепление составляло менее 1000 человек. Едва ли татары уклонялись от сражения потому, что были рассеяны на десятки км, ведь они смогли организованно убежать. Полагаю, что татарское войско само состояло из нескольких сотен всадников. Оно выдержало удар нескольких сотен муромских детей боярских и еще сотен посадских. Но приближение около 800 касимовцев и владимирцев представляло для него опасность. Что касается Шаха-Али и владимирских воевод, то они не стали преследовать бежавших татар.

В мае 1541 г. в Москву прибыло казанское посольство во главе с князем Булатом, выражавшее готовность от имени всей Казанской земли свергнуть Сафа-Гирея, который у многих князей отнял ясаки (податных людей?) и передал их своим крымским приближенным, а простых людей обложил «великой продажей» – судебными штрафами для пополнения казны, из которой посылал деньги в Крым¹⁵². Московские власти, воспользовавшись этим, запланировали поход на Казань, о чем проведал Сахиб-Гирей и решил неожиданно напасть на русские земли, когда московское войско уйдет на территорию Казанского ханства. Однако в Москве вовремя узнали о намерениях крымцев. В то же

время русский поход на Казань оказался сорван¹⁵³. Но не исключено, что ближайший казанский набег на нижегородский посад был ответом на попытку московских властей организовать поход на Казань. По хронографу XVII ст., в сентябре казанские татары подошли под Нижний Новгород и убили на посаде 36 «бояринов», иных взяли в плен, а затем с полоном «отоидоша паки в Казань»¹⁵⁴. По другому списку этого известия, сохранившегося в одном из списков Нижегородского летописца, это произошло в декабре¹⁵⁵.

Как видно, этот налет был совершен для ослабления города путем убийства и пленения многих его защитников и внушения опасения остальным. Любопытно, что нижегородская элита, дети боярские, названы боярами. Н.Ф. Филатов¹⁵⁶ опубликовал еще одно подобное известие из неизданного источника Московского периода. В нем под 1499 г. тоже фигурируют убитые казанцами 36 нижегородских бояр. В Продолжении хронографа редакции 1512 г. под 1534/1535 г. сообщается о татарском набеге на Нижегородскую округу, в ходе которого были пленены многие жены бояр¹⁵⁷. Не исключая, что редкое для летописания Московской Руси наименование нижегородских детей боярских связано их с боярским происхождением, тем более что их считают потомками переселенных Иваном III новгородских землевладельцев¹⁵⁸. Стоит иметь в виду, что версии о переводе новгородских бояр в Нижний Новгород весьма уязвимы для критики¹⁵⁹. И все же гипотеза о генезисе части нижегородских детей боярских от новгородских бояр представляется более логичной, чем идея Р.Г. Скрынникова¹⁶⁰ о превращении последних в изгоев. Источники бы наверняка упомянули о сотнях люмпенов, бродивших по московской земле.

В 1542 г., согласно Великоустюжской летописи, «казанские татары, пройдя через Вятку в числе 4000, сожгли на Дылкове две церкви и 73 двора. После того татары были разбиты вятчанами близ Котельнича. Это было седьмое разорение Устюга, после которого устюжане были освобождены на три года от платежа всех повинностей»¹⁶¹. По незамеченному исследователями рассказу повести о стране Вятской, с татарами шла луговая черемиса, и лишь она убежала после разгрома под Котельничем: «Ходила рать казанская тотарская

чрез Вятку на Устюгъ 4000 и повоевали много все города (очевидно, крупные села: городов в тех местах не значилось. — М.Н.) около Устюга и в[о]л[о]сти и многа зла сотвориша и в полонъ поведоша, и пошла та сила Моломою рекою на плотах и собращась все вятские жители всех городов под Котелничъ город и тое силу тотарскую на Моломе реке побили на голову, толко ушли лесомъ черемиса луговая на Пижму реку»¹⁶².

Многие историки доверяют словам Великоустюжской летописи о 4000 татар¹⁶³. Однако сомнительно, чтобы столь крупная рать ограничивалась разорением сел (Дылково — это село на правом берегу р. Сухоны напротив Великого Устюга, хотя и довольно крупное для Севера, где преобладали деревни в 1-2 двора). Притом, судя по контексту летописных рассказов, разгром этой рати вятчанами казался хронистам вполне естественным. Вятка же обычно выставляла менее 2000 воинов. К тому же четырехтысячная рать, несомненно, была бы отмечена в официозном московском летописании, чего, однако, не произошло. Скорее всего, войско было на порядок меньшим, чем указано в источниках. Возможно, остатки этой рати пограбили Пермь в районе р. Камы, по которой от Вятки шел путь в Казанское ханство. По Вычегодско-вымской летописи, «пришедшу на Великую Пермь с ратью татары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а людеи пермские посекали многие»¹⁶⁴. Никоновская летопись упомянула Пермь в числе разоренных казанцами в разные годы городов¹⁶⁵. Правда, не ясно, город это или край. В том перечне городов есть местность «Заволжье», да и половина Владимира — часть округи: сам город казанцы не грабили, в отличие от нее.

В 1542/43 г. согласно Продолжению хронографа редакции 1512 г., «приходил казанский царь Сафа-Гирей к Мурому и Муромские места пусты учинил, полону много поимали»¹⁶⁶. В.В. Каргалов почему-то отнес этот поход к осени 1542 г.¹⁶⁷. Отмечу, что Сафа-Гирей лично принял участие в походе, равно как и в набегах на тот же Муром в 1537, 1539 и 1540 гг., что в изучаемый период было редкостью. В прочих изучаемых набегах, кроме этих четырех, он не участвовал. Не исключено, что казанский хан придавал особое значение

ослаблению Муром. Если в 1537 и 1540 гг. он пытался взять эту приграничную крепость (что могло бы в случае казанского успеха облегчить продвижение казанцев вглубь Руси)¹⁶⁸, то теперь как будто речь шла лишь о грабежах. Но видимо этот набег сорвал готовившийся в то время русский поход на Казань.

Интересна незамеченная исследователями разрядная запись, согласно которой примерно в это же время «приговорил князь великий итить в козанские места из Мурома воеводам по полком, и тот поход не был»¹⁶⁹. Вряд ли случайно казанский хан вторгся в Муромскую округу примерно в то время, когда там планировался сбор русского войска. Скорее всего, этот набег был не случаен, а в Москве именно из-за этого вскоре отменили поход. Видимо, после летнего вторжения крымцев в 1541 г. опасались, что если противник заранее узнает об их военных приготовлениях, то призовет на помощь крымское войско.

Согласно Продолжению хронографа редакции 1512 г., «зимой приходили на Владимирские места с казанскими людьми Амонак, князь казанский, да Чюра Нарыков, и воевали Пожарских князей отчину (с. Мугреево-Никольское Ивановской обл.) и полону много имали. Из Владимира ходили за ними великого князя воеводы Иван Семенович Воронцов и иные воеводы с многими людьми и догнали их, и не успели им ничего. А на той брани убит был Алексей Петров сын Головина, да в загонах убили Григория Карпова сына Свечина да Петрока Колупаева сына Приклонского. А из Мурома ходил за ними князь Александр Борисович Горбатый со многими людьми, и ходили за ними до Гороховца, и не успели ничего. А у Гороховца у острога с казанскими людьми бились мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Атамака князя, а воеводу Фоку Воронцова с товарищи хотели гороховцы камнем побить за то, что они с казанскими людьми не делали бою, а их упустили»¹⁷⁰. Иногда этот поход почему-то относят к зиме 1544/1545 гг.¹⁷¹

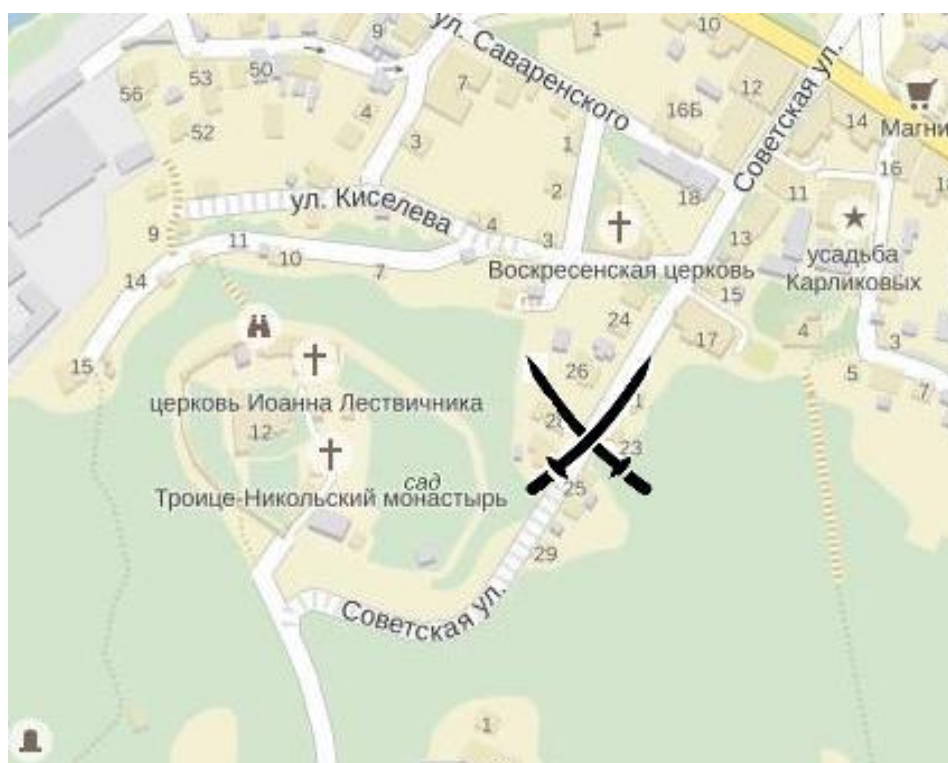
Впрочем, это сообщение помещено в ту же погодную запись, что и упоминание русского похода на Казань весной 1545 г., но ниже (что неверно с точки зрения тогдашнего сентябрьского стиля) и потому формально может быть

отнесено к зиме 1545/1546 гг. Однако тогда казанцы походов на Русь не совершали. Более того, в ту зиму был свергнут хан Сафа-Гирей, и казанская знать налаживала мирные отношения с Москвой, соглашаясь принять на трон московского ставленника при условии, что тот придет с войском не крупнее ста человек. Замечу, что опубликованный В.И. Корецким и Б.Н. Морозовым летописец XVII в. отнес этот набег казанцев к зиме 7052 (1543/1544) гг.¹⁷² При том, согласно разрядным записям, Александр Горбатый был назначен воеводой в Муром в январе 1544 г., а Иван Семенович, он же Иван Фока Семенович Воронцов записан воеводой суздальским¹⁷³. Впрочем, все равно его путь в сторону Гороховца лежал на юг, через Владимир. Видимо, набег татар состоялся именно в начале 1544 г.

Согласно вышеприведенному известию Продолжения хронографа редакции 1512 г., Владимирская (а точнее, суздальская) рать при столкновении с ними «не успела ничего» и понесла потери. Не повезло и муромской, догнавшей казанцев около Гороховца. При этом тамошние служилые люди не вступили в бой с татарами. Это сделали посадские «мужики», имевшие свою мирскую организацию и сумевшие организовать оборону города. Главного казанского воеводу Амонака гороховчане взяли в плен, а также хотели бить суздальского воеводу Воронцова. Его винили в неуспехе суздальцев, из-за которого татары дошли до Гороховца. Это татарское войско было не более нескольких сот человек, если и суздальская, и муромская служилые рати на фоне нее отличались «многими людьми». (По разрядной книге Полоцкого Похода 1562/1563 г. Суздаль выставил 636 детей боярских, Муром — 390¹⁷⁴). Но татарская рать состояла из умелых бойцов. Ни суздальские, ни муромские служилые люди не выиграли боя. Победа досталась не профессиональным воинам, а гороховецким посадским «мужикам». Скорее всего, решающий бой произошел на участке, не годном для конного сражения, но удобном для атаки пеших горожан. Гороховчане винили в бездеятельности именно Воронцова,

который не смог остановить татар по дороге к их городу. Но к муромцам, которые «не успели ничего» под самым Гороховцом, претензий не имели. Как и к местным служилым людям, которые, в отличие от суздальцев, однозначно «боя не делали», но невмешательство последних в источнике даже не оговаривалось и, видимо, в данных обстоятельствах считалось естественным.

По Продолжению хронографа редакции 1512 г., татар разбили у «острога»¹⁷⁵. Так в указанной Н.И. Андреевым описи Гороховца 1628 г. названы внешние деревянные укрепления посада. Причем к этому времени «и острог, и башни сгнили, а каторги острожные гнилые выпали и те острожены побирали крайчева тиуны и городили наместнич двор... а только ныне острогу стоячева сорок сажень да башня по Московской к большой дороге и то все сгнило и поразвалилось». Очевидно, острог не менял положения с XVI ст. Опись помещает его «под городом внизу (под Никольской горой. — М.Н.) по реке Клязьме». Н.И. Андреев, опираясь на планы города конца XVII—XVIII вв., локализует посад у нын. ул. Саваренского¹⁷⁶. Опубликованный В.И. Корецким и Б.Н. Морозовым летописец начала XVII в. указал место боя «посторонь Гороховца у Николы Бедринскаго»¹⁷⁷, т.е. в районе Никольской горы, на которой теперь расположен Никольский монастырь XVII в. Если привязать опубликованную в книге Н.И. Андреева¹⁷⁸ схему города к рельефу местности, то Владимирская дорога (по которой, надо полагать, прибыли со стороны Владимира татары), шла в направлении посада по трассе нын. Советской ул., спускаясь с холма, частично пролегая в ложбине между Пужаловой и Никольской горами, то есть находилась в местности, неудобной для маневренного конного боя, но годной для пешей облавы на конников. Видимо, место разгрома татар стоит отнести к району нын. Советской ул. Между Никольской горой и ул. Саваренского — бывшей южной линией острога.

Приблизительное место разгрома казанского войска гороховецкими посадскими людьми под Гороховцом в начале 1544 г. на плане современного г. Гороховца Владимирской области

В краеведческой литературе фигурирует местная легенда об образе воина, который возник в лучах заката над Пужаловой горой и обратил в бегство осаждавших Гороховец казанцев. Легенда почему-то относит эти события к 1539 г., чему не удастся найти подтверждения в источниках, потому, скорее всего, их стоит отнести к 1544 г. Но в ней описан очень интересный оптический эффект: если смотреть с обозначенного выше участка Советской улицы в зимнее время, то Пужалова гора оказывается напротив заката. Вместе с тем, на противоположной стороне от заходящего солнца иногда появляются противосумеречные лучи и красноватые облака. По-видимому, одно из этих явлений и получило отражение в легенде, что может служить косвенным подтверждением предлагаемой мной локализации места разгрома казанского войска под Гороховцом в 1544 г. Это был фактически последний регулярный казанский набег на Русь до взятия Казани в 1552 г.

Таким образом, при изучении русско-казанского противостояния в 1535-44 гг. стоит учитывать заметное влияние крымского фактора. Переворот в

Казани в 1535 г. произошел с участием крымского хана Сахиб-Гирея, посадившего на царство своего племянника. В дальнейшем крымский хан неоднократно поддерживал его, посылая войска для совместного участия в набегах на Русь и заставляя Московское правительство отказываться от военных походов на Казань. Правда, последнее все же так и не подписало мира с Казанским ханством. Москва не могла воевать на два фронта и поэтому в 1540-х гг. стремилась снаряжать войско на Казань тайно. А когда в 1542 г. военные приготовления стали известны казанцам, московские власти отменили поход. Повторить попытку решились лишь три года спустя, в 1545 г. Вероятно, нарочно выбрали время, когда крымский хан был занят войной с Астраханью и не мог поддержать племянника¹⁷⁹. В 1546 г. русские посадили на казанский престол своего ставленника Шаха-Али в то самое время, когда Сахиб-Гирей сосредоточился на конфликте с ногайцами.

Вообще произошедший в середине 1540-х г. переход Москвы от оборонительной политики к наступательной совпал по времени с изменением внешнеполитического курса Крыма, переставшего заниматься казанскими делами. Сами же казанцы, наоборот, именно с этого времени перешли к оборонительной тактике, практически прекратив совершать походы на Русь. Лишь в сентябре 1548 и марте 1549 г. состоялись 2 набега казанских татар, оба закончившиеся разгромом и гибелью их воевод при столкновении с местными русскими служилыми корпорациями.

В первом случае, согласно Продолжение Хронографа редакции 1512 г., в сентябре 1548 г. 8000 казанских татар во главе с Араком-богатырем вторглись в Костромскую округу, но в Галицких местах их уже настигли царские воеводы – Захарий Петрович Яковлев со товарищи, шедшие «с Костромы», и разгромили в Верхнем Березовце (с. Березовец Солигаличского района Костромской обл.), а воеводу Арака убили¹⁸⁰. Летописец начала царства Ивана IV характеризует численность татар, как «многих» людей, и уточняет, что татары появились в Галицкой округе в октябре и что они были разбиты у «Езовки (Язовке), на Гусеве поле» (эти места располагались близ с. Верхний Березовец)¹⁸¹, а русский

царский воевода З.П. Яковлев носил титул костромского наместника. Наконец, согласно данному источнику, русские убили в бою помимо Арака иных казанских воевод, и, захватив большой полон, послали к царю¹⁸². Допускаю, что Продолжение хронографа редакции 1512 г. преувеличило численность татар Арака, ведь разбившее их «на голову» костромское войско не названо в этом источнике малым по сравнению с ними, как, впрочем, и в летописании начала царства Ивана IV, а Кострома в том векеставляла по данным разрядов Полоцкого похода 745 детей боярских¹⁸³.

Во втором случае в марте следующего 1549 г., а согласно Продолжению хронографа редакции 1512 г., «в лето 7057-го (1548 г.), «[при]ходили казанские люди на Мур[ом]ские места, а в головах у них был Мамазерь князь, а с ним казанских людей 140 человек, и воеводы царя и велик[ого] князя, князь Петр Михайлович Щенятев и иные воеводы, из Мур[ома] за ними ходили и, дошед их за Ку[дмою на] Костянтиновском поле (нын. Нижегородская область), по[били их] наголову, и Мамазеря князя убили»¹⁸⁴. Таким образом, численность отряда Мамазеря, пришедшего в марте под Муром, оценен этим летописцем в 140 человек, и такая казанская рать ему не казалась маленькой.

Изучение казанских набегов на Московское государство в 1535-1549 гг. приводит к выводу, что казанцы ходили небольшими ратями и чаще всего ограничивались грабежом сел. Правда, как отметил А.Г. Бахтин, сам казанский хан Сафа-Гирей в переписке с польским королем Сигизмундом Старым уверял, что посылал на Русь войска до 70 000 человек¹⁸⁵. Впрочем, хан, явно желая приукрасить размах казанских набегов, излагал королю столь же недостоверные сведения о сожжении казанцами Костромы и Касимова¹⁸⁶ и опустошении страны до Белого моря. Но даже когда казанцы разоряли города, в их задачу не входила аннексия русских земель¹⁸⁷. Набеги свершались ради грабежей и держания в напряжении московских властей. В целом можно согласиться с выводом Казанского летописца, что жителям разоряемых земель они приносили большие беды. Не исключено, что часть из них действительно переезжала «во глубину Руси»¹⁸⁸. Кроме того, изучение данных об этих походах показали

необходимость критической оценки летописных сведений о численности казанских войск. В историографии отмечалось, что средневековые данные нарративных источников о размерах войска противника не всегда достоверны¹⁸⁹. Но, к сожалению, историки доверяют нарративным сведениям о численности казанских ратей¹⁹⁰. В соответствии с ними, казанское войско оценивают в несколько десятков тысяч человек, а некоторые расхождения в оценках связаны с привлечением разных нарративных цифр (показательной в этом отношении является полемика А.Г. Бахтина с Р.Г. Фархутдиновым¹⁹¹). Отмечу, что по отношению к численности войск других татарских ханств имеются более осторожные оценки. М.В. Моисеев показал условность любых подсчетов размеров крымского и ногайского войск¹⁹². Можно предположить, что в изучаемый период численность вторгавшихся в русские пределы казанских войск обычно составляла несколько сотен бойцов. Да и источники, повествующие о более ранних казанских набегах на Русь в XVI в., не содержат надежных сведений о многотысячных татарских войсках¹⁹³. Может быть, в этом кроется причина, почему начиная со времен великого московского князя Ивана III Казанское ханство вплоть до своего падения зачастую находилось то под крымским, то под московским влиянием. Для великого Московского княжества было нормально снарядить войско в тысячи человек (а иногда и более крупные силы). Для Крыма войско в 500 человек тоже считалось маленьким: когда в 1493 г. крымский хан Менгли Гирей по уговору с Иваном III отправил против Литвы рать, и в этом войске оказалось всего пять сотен бойцов, московский государь укорял своего крымского союзника, мол, что это за война, если пошло всего 500 человек: «ино пятью сот человека какая война Литовской земле?»¹⁹⁴ Казанское ханство, для которого войско в сотни бойцов, вероятно, являлось нормой, возможно, по причине своей относительной военной слабости было вынуждено лавировать между двумя более сильными восточноевропейскими державами, попадая то под русский, то под крымский протекторат.

¹ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. — СПб., 1905.

Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI веках. — Казань, 1995.

Ермушев А.М. Россия и Казанское ханство в 1533-1552 гг.: Дис. ... к.и.н. — Саранск, 1998.

Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М, 1998.

Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998.

Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV-XVI веках: Дис. ... д.и.н. — М., 2001.

Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533-1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8-11 июня 2011 г.). — Саранск, 2004. — Ч. I. — С. 73-78.

Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV-XVI вв.: У истоков национальной политики России. — Ижевск, 2005.

Исхаков Д.М. Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. — Казань, 2005.

Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. — М, 2011.

Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. — Казань, 2016.

² Несин М.А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535-1536 гг. // Средневековые Тюркско-Татарские государства. — 2015. — № 7. — С. 116-120.

³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. — М., 1960. — С. 259.

Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 242.

⁴ Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские

царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — 2004. — Т. 5. — С. 33-34.

⁵ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII — XVIII вв. — М., 1998. — С. 269.

⁶ Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — 2004. — Т. 5. — С. 33.

⁷ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. — М., 1960. — С. 259.

⁸ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 242.

⁹ Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 82.

¹⁰ Запись фигурирует в погодной статье 7042 г., что, учитывая тогдашний сентябрьский стиль, казалось бы, должно стать основанием для датировки 1533/1534 гг. Но, если приглядеться повнимательнее, то статья начинается с описания сентябрьских событий, затем упоминаются летние, и только после них зимний поход татар на Нижегородскую округу (Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 286). Таким образом его стоит отнести к зиме 1534/1535 г.

¹¹ А.Г. Бахтин связал тот набег с распоряжением Сафа-Гирея (Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 82). Однако если татары вторглись в нын. Костромскую обл. 8 октября, то выступили из Казани они еще в сентябре. Тогда еще мог быть жив Джан-Али, убитый 25 числа. А Сафа-Гирей определенно не успел прибыть из Крыма и даже получить весть о перевороте.

¹² Сборник Русского исторического общества (далее - Сборник РИО). — СПб., 1887. — Т. 59. — № 3. — С. 26.

¹³ Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — 2004. — Т. 5. — С. 33.

-
- ¹⁴ Там же. — С. 33-34.
- ¹⁵ Селезнев Ф.А. История Нижегородского края с Древнейших времен до конца XVI в.: учебное пособие. — Н. Новгород, 2014. — С. 163.
- ¹⁶ Флоря Б.Н. Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. — М., 2010. — Вып. 10. — С. 237. А.Б. Кузнецов по ошибке датировал этот документ 1535 г. (Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533-1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8-11 июня 2011 г.). — Саранск, 2004. — Ч. I. — С. 73.
- ¹⁷ Флоря Б.Н. Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. — М., 2010. — Вып. 10. — С. 240.
- ¹⁸ Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). — М., 1965. — Т. 29. — С. 14.
ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 86.
- ¹⁹ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — С. 44.
- ²⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. — СПб., 1863. — Т. 1. — С. 300.
- ²¹ Там же. — С. 308.
- ²² Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923). — М., 1991. — С. 109.
- ²³ Исхаков Д.М. От Средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). — Казань, 1998. — С. 194, 208.
Несин М.А. Статус Касимовских Чингисидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение — 2017. — № 2. — С. 401.
- ²⁴ Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 179-180.
- ²⁵ Несин М.А. Статус Касимовских Чингисидов при Василии II и Иване III по

данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. — 2017. — № 2. — С. 397-410.

²⁶ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 23.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 106.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

²⁷ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 23.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 106.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

²⁸ Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). — СПб., 2004. — С. 45.

²⁹ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 23.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 106.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

³⁰ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 273.

³¹ То же относится и к процитированным ученым актовым материалам о татарских грабежах под Галичем и Костромой (Там же. — С. 273). Тем более, что эта цитата взята из несудимой грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1533 г. А для иллюстрации разорения сел «под Муромом» исследователь почему-то цитирует жалобу игумена Троице-Сергиева монастыря Ивану IV 1538 г. о разграблении Верхнего Березовца нын. Костромской обл. (Там же — С. 268). Но когда пострадала та местность, не ясно, ведь о ее разорении «татарами и черемисами» написано еще в грамоте Симонова монастыря 1532 г.

³² ПСРЛ. — М.;Л., 1962. — Т. 27. — С. 142.

³³ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 291.

³⁴ Гациский А.С. Нижегородский летописец. — Н. Новгород, 1886. — С. 34.

ПСРЛ. — М.;Л., 1962. — Т. 27. — С. 142.

³⁵ Гациский А.С. Нижегородский летописец. — Н. Новгород, 1886. — С. 34.

³⁶ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 268.

³⁷ Гациский А.С. Нижегородский летописец. — Н. Новгород, 1886. — С. 34.

- ³⁸ Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). — СПб., 2004. — С. 42.
- ³⁹ Гусева Т.В. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Н. Новгород, 1996. — С. 44-45.
- ⁴⁰ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 23.
 ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 106.
 ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.
- ⁴¹ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 23.
 ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 106.
 ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.
- ⁴² Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 260.
- ⁴³ Вряд ли стоит предполагать, что «городу», возведенному уже во второй половине года, предшествовал какой-то безымянный острог. В писцовой книге Балахны второй половины XVII ст. Балахнинская крепость явно изображена в виде острога: город «Балахна на реке Нетече (прежде — река Жижица), устье которой у Бабя озеро, у реки Волги, - ветх. Выстроен из соснового лесу в две стены, расстояние между ними 2 1/3 сажени. По стенам расположены башни. Всего по городу стен 454 1/2 сажени да башенных стен 29 сажен... Около города с двух сторон был ров и тын, но ров обвалился, а тын сгнил. С третьей стороны озерко Петровское, а с четвертой — река Нетеча» (Писцовая книга города Балахны 1674-1676 гг. // Действия Нижегородской Ученой Архивной Комиссии. — Н. Новгород, 1913. — Т. XV. — Вып. 1. — С. 12-13).
- ⁴⁴ Несин М.А. Два топонима Плотницкого конца Торговой стороны средневекового Новгорода: Подол и Полянка // Valla. — 2018. — Т. 4. — Вып. 3 — С. 1-15.
- ⁴⁵ Несин М.А. Образование Балахны, а также некоторые аспекты ее возвышения в первой пол. — середине XVI ст. // Исторический формат. — 2015. — № 2. — С. 319-325.
- ⁴⁶ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.
 ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 106.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С.436.

⁴⁷ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 291.

⁴⁸ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — С. 315.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 107.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

⁵² ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 107.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

⁵³ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С.269.

⁵⁴ По мнению В.В. Пенского «речь идет о типичном случае малой войны». Татары «решили показать свою удаль и пожитья животами». Но как бы то ни было, а на фоне прочих рассмотренных набегов этот случай не самый типичный, и потому я его выделил. Стоит иметь в виду, что историки, писавшие с позиций не малой войны, а больших и разорительных набегов, организованным Сафа-Гиреем, фактически переписывали летописи, мало внимания уделяя нюансам, отличавшим те или иные походы, и практически не анализировали действия татар. Я пытаюсь это восполнить. Следующим этапом может быть предложенная тем же В.В. Пенским постановка вопроса о пересмотре отношения к русско-казанским конфликтам с позиции малой войны. Или разработка концепции В.В. Пенского о «несанкционированных набегях» татар, выполненных не по приказу казанского хана.

⁵⁵ Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях рукописных собраниях Москвы. — М, 1962. — С 60.

⁵⁶ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 106.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

⁵⁷ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 265.

Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. — М., 2011.

⁵⁸ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 268.

⁵⁹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб., 1893. — Т. 1. — С. 907.

⁶⁰ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 107.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

⁶¹ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 107.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

⁶² ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

⁶³ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

⁶⁴ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 107.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 436.

⁶⁵ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 266.

⁶⁶ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 248.

⁶⁷ Там же. — С. 249-250.

⁶⁸ Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). — СПб., 2004. — С. 39.

⁶⁹ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 27.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 90.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 440.

⁷⁰ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 291.

Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 270.

⁷¹ Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новиковым. — М., 1788. — Ч. 6. — С. 446. Благодарю Н.В. Белова за то, что указал мне на этот источник.

⁷² ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 27.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 90.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 440.

ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 291.

Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 270.

⁷³ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 27.

⁷⁴ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 292.

⁷⁵ ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 291.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 90.

⁷⁶ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 90.

⁷⁷ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 27.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 440.

⁷⁸ Впрочем, А.Г. Бахтин, следуя датировкам этого позднего источника, отнес набег к осени 1534 г. Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 92. Но хронист сообщил о нем о нем в одной погодной записи с упоминанием о закладке Буя, имевшей место, по современным источникам, в 1536 г.

⁷⁹ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 268.

Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. — М., 2011.

⁸⁰ Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Ф. Q17. Оп. 176. Л. 3.

⁸¹ Зимин А.А. Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. — 1950. — № 5. — С. 15.

⁸² Там же.

⁸³ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 116.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 442.

⁸⁴ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 288.

⁸⁵ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 269.

⁸⁶ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 116.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 442.

-
- ⁸⁷ ПСРЛ. — М.;Л., 1959. — Т. 26. — С. 317.
- ⁸⁸ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 25.
 ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 116.
 ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 442.
- ⁸⁹ ПСРЛ. — М.;Л., 1962. — Т. 27. — С. 142.
- ⁹⁰ Епанчин Е.А. Топонимика Муром и его окрестностей [Электронный ресурс] http://samlib.ru/d/domnina_e_a/toponimikamuroma.shtml
- ⁹¹ ПСРЛ. — М.;Л., 1959. — Т. 26. — С. 317.
- ⁹² Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI—начала XVII в. [Электронный ресурс] <https://texts.news/istoricheskim-distiplinam-periodika/letopisets-novyimi-izvestiyami-nachala-xvii-43052.html>
- ⁹³ ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 25.
- ⁹⁴ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 116.
 ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 442.
- ⁹⁵ Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. — 1911. — С. 54-85.
 Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. — 1959. — № 4. — С. 174.
- ⁹⁶ ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 25.
- ⁹⁷ Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: Просопографическое исследование. — Рязань, 2011. — С. 268.
- ⁹⁸ Акчурина М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2014. — № 6. — С. 4-18.
- ⁹⁹ Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. — М., 2011.
- ¹⁰⁰ Каргалов В. В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 268.
- ¹⁰¹ Флоря Б.Н. Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. — М., 2010. — Вып. 10. — С. 237.
- ¹⁰² Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533-1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания

Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8-11 июня 2011 г.). — Саранск, 2004. — Ч. I. — С. 77.

¹⁰³ Каргалов В. В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 269.

¹⁰⁴ ПСРЛ. — М.;Л., 1959. — Т. 26. — С. 126.

¹⁰⁵ Псковские летописи. — М.;Л., 1941. — Вып. № 1. — С. 108.

¹⁰⁶ Боярами, очевидно, названа тамошняя элита, дети боярские. Так псковские хронисты в Московский период порой именовали местных служилых людей из-за их генезиса от местных бояр (Несин М.А. К истории присоединения Пскова к Московскому государству // Вестник Удмуртского Государственного Университета. — 2017. — Т. 27. — Вып. 1. — С. 17-23), хотя на этот раз боярами названы дети боярских иных земель. А вот термин «житьи» в Московской Руси больше не упомянут. Но в Псковской республике так именовали категорию горожан, стоящую ниже купцов. Видимо, и в этот раз имелись в виду лучшие люди посада, упомянутые отдельно от элиты.

¹⁰⁷ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. — СПб., 1905. — С. 310.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ РНБ. Ф. Q17. Оп. 176. Л. 3.

¹¹⁰ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 129.

¹¹¹ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — С. 315.

¹¹² Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 269.

¹¹³ Флоря Б.Н. Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. — М., 2010. — Вып. 10. — С. 238-239.

¹¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) Ф. 123. Кн 8. Л. 475-475 об. Благодарю Н.В. Белова за то, что, находясь в данном московском архиве, он прислал мне выписки из этого и других документов, связанных с русско-казанской дипломатической перепиской.

¹¹⁵ РГАДА Ф. 123. Кн 8. Л. 479-480 об.

¹¹⁶ Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998.

— С. 84.

¹¹⁷ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 129.

¹¹⁸ Бахтин А.Г. полагает, что после смерти «регентши» Елены Глинской в апреле 1538 г. Сафа-Гирей изменил свою политику по отношению к Москве (там же). Но зимний набег казанцев показывает, что и при ее жизни хан, вопреки своим заявлениям о мирных намерениях, посылал на Русь войска

¹¹⁹ РНБ. Ф. Q17. Оп. 176. Л. 3.

¹²⁰ Дозорная книга г. Солигалича 1614 г. // Костромская земля. — 1992. — № 2. — С. 38.

¹²¹ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 281.

¹²² Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 85-86.

¹²³ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. — СПб., 1905. — С. 311.

¹²⁴ Гациский А.С. Нижегородский летописец. — Н. Новгород, 1886. — С. 34-35.

¹²⁵ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 288.

¹²⁶ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 284.

¹²⁷ Древняя российская вивлиофика, изд. Н.И. Новиковым. — М., 1788. — Ч. 6. — С. 468.

¹²⁸ ПСРЛ. — М.;Л., 1959. — Т. 26. — С. 324.

¹²⁹ Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 85.

Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 268.

Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. — М., 2011.

¹³⁰ ПСРЛ. — М.;Л., 1959. — Т. 26. — С. 324.

¹³¹ Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI - начала XVII в. [Электронный ресурс] <https://texts.news/istoricheskim-distiplinam-periodika/letopisets-novyimi-izvestiyami-nachala-xvii-43052.html>

¹³² ПСРЛ. — М.;Л., 1959. — Т. 26. — С. 324.

¹³³ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 288.

¹³⁴ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 38.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 135.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 455.

¹³⁵ По предположению В.В. Пенского, эти крымцы происходили из свиты самого Сафа-Гирея. В Казани, действительно, постоянно находилось ок. 100 чел. крымцев, с которыми не очень почтительно обошлись во время свержения Сафа-Гирея. Но вряд ли они удостоились бы специального упоминания в числе участников похода: сообщения об участии крымского контингента в казанских набегах этого периода, как можно видеть, вообще эпизодические и, как правило, связаны с упоминанием участия Сахиб Гирея. Вероятно, в этот раз Сахиб Гирей не был в числе участников или организаторов похода, но племяннику людей дал. Недаром Сафа-Гирей заставлял простых казанцев платить дань, шедшую его дяде в Крым.

¹³⁶ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 289.

¹³⁷ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 268.

Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. — М., 2011.

¹³⁸ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 38.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 135.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 455.

¹³⁹ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 289-290.

¹⁴⁰ Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 100.

Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 290.

¹⁴¹ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 38.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 135.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 455.

¹⁴² Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 289.

- ¹⁴³ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 38.
 ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 135.
 ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 455.
- ¹⁴⁴ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 289-290.
- ¹⁴⁵ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 38.
 ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 135.
 ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 455.
- ¹⁴⁶ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 38.
 ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 135.
 ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 455.
- ¹⁴⁷ Муромские монастыри и церкви в документах XVI - начала XVII века // Русский дипломатарий. — М., 2000. — Вып. 6. — С. 54.
- ¹⁴⁸ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 275.
- ¹⁴⁹ Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. [Электронный ресурс] <https://texts.news/istoricheskim-distiplinam-periodika/letopisets-novyimi-izvestiyami-nachala-xvii-43052.html>.
- ¹⁵⁰ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 289.
- ¹⁵¹ Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). — СПб., 2004. — С. 40.
- ¹⁵² ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 99.
- ¹⁵³ Близкое мнение высказал С.Х. Алишев (Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI веках. — Казань, 1995. — С. 78). Напротив, Д.А. Котляров полагает, что поход отменили из-за того, что на другой год войско, отобранное для «казанского дела», было использовано князем И.В. Шуйским для свержения Бельских (Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV-XVI вв.: У истоков национальной политики России. — Ижевск, 2005. — С. 116-117). Его поддержал А.В. Аксанов (Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. — Казань, 2016. — С. 84). Но

исследователи не учли крымское вторжение в 1541 г., произошедшее именно тогда, когда русские войска по расчетам крымского хана должны были быть в Казанском ханстве.

¹⁵⁴ ПСРЛ. — М.:Л., 1962. — Т. 27. — С. 142.

¹⁵⁵ Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. — М., 1962. — С. 158

¹⁵⁶ Филатов Н.Ф. Нижегородский край в русском летописании. — Н. Новгород, 2003. — С. 87.

¹⁵⁷ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 286.

¹⁵⁸ Чеченков П.В. Новгородские сведенцы в нижегородской служилой корпорации // Новгородика — 2010. Вечевой Новгород. Материалы Международной научно-практической конференции 20-22 сентября 2010 г. — 2011. — Ч. 2. — С. 221-230.

¹⁵⁹ П.В. Чеченков опирается на сходство фамилий (там же). Но этот метод, примененный еще В.Б. Кобриным, оспорил Р.Г. Скрынников, показав условность таких сравнений (Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994. — С. 18-19). Летописцы, писавшие о переводе новгородцев при Иване III в Нижний Новгород, имели об этом смутное представление. В Софийской I летописи по списку Царского XVI ст. вотчины новгородцев спутаны с поместьями (Там же. — С. 17-18). О депортации новгородцев в Нижний Новгород упомянуто и в Тверской летописи под 6986 (1477/1478) гг., но не ясно, к какому году это относится. В этой погодной записи смешаны события разных лет, вставлены известия об аресте архиепископа Феофила в 1480 г. и о поставлении Г. Гонзова на Новгородскую кафедру конца 1484 г. (ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 15. — С. 497.

Несин М.А. Из истории новгородского владычного дома XII – начала XVI в. // Valla. — 2018. — 3 (1-2). — С. 4). Таким образом, автор Тверской летописи, доведенной до 1499 г., мало знал об инкорпорации Новгорода в Московское княжество.

¹⁶⁰ Скрынников Р.Г. Иван III. — М., 2006. — С. 111.

-
- ¹⁶¹ Титов А.А. Летопись великоустюжская. — М., 1888. — С. 47.
- ¹⁶² Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 71-78 об.
- ¹⁶³ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 268.
- Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 85.
- ¹⁶⁴ Савельева Е.А., Королев К.С. Письменные известия о народе Коми [Электронный ресурс] <http://eskomizdat.ru/?p=4709>.
- ¹⁶⁵ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 129.
- ¹⁶⁶ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 289.
- ¹⁶⁷ Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 274.
- ¹⁶⁸ Здесь стоит отметить, что в новой монографии Б.А. Илюшина о русско-казанской войне 1505-1507 гг. состоялась интересная дискуссия рецензента И.Л. Измайлова с автором о значении казанских осад русских городов в XVI в. В предисловии рецензента оспаривается мнение автора, что казанские татары не умели брать крепости. Для Измайлова почему-то «очевидно», что смысл осад городов заключался в другом. И тот же Нижний Новгород они на самом деле взять «смогли бы» (Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: московско-казанский конфликт 1505-1507 гг. — Н. Новгород, 2018. — С. 4). Для чего татары тогда тратили иногда по 2-3 дня на осаду русских крепостей, теряя своих людей, Измайлов не объяснил. Интересно, что в 1505 г. при осаде Нижнего Новгорода участвовал сам казанский хан Мухаммед-Эмин, и татары были готовы на нее потратить не меньше 2 дней, а в 1537 и 1540 гг. в казанских походах под Муром тоже принимал участие сам тогдашний «царь» Сафа-Гирей, и город осаждали по 3 и по 2 дня кряду. Причем, татары, как всегда, были вооружены холодным оружием, а у муромцев и нижегородцев имелось огнестрельное. Подозреваю, что, выступая с холодным оружием против неприятельской артиллерии, татары не ограничивались целью напугать или нервировать противника, а планировали

разрушить русскую крепость. Вместе с тем можно согласиться с И.Л. Измайловым, что при взятии крепости татары не стали бы ее оборонять, оставлять свой гарнизон и использовать как базу для завоевания края (Там же). Вообще, казанские набеги в XVI в. явно совершались не для аннексии русских земель. Это хорошо видно по изучаемым мной набегам 1530-х – 40-х гг. Татары грабили, брали полон и держали московских властей в напряжении. В основном разоряли села. Но в тех редких случаях, когда им удавалось взять крепость (например, Жилин в 1539 г.), ее полностью уничтожали. А взятие таких крупных крепостей, как Нижний Новгород или Муром было бы серьезным уроном для московитов и сильно ослабляло защиту их южных и юго-восточных рубежей от новых татарских грабительских набегов.

Интересно, что история этих и других двух-трехдневных осад в средневековье уже вызывала вопросы у О.В. Комарова: а пытались ли татары, московиты, литвины или немцы в действительности взять города? Или это означало что-то иное – показать свою силу противнику, оказать на него давление? И никакой неудачи, не взяв крепости, по гипотезе Комарова, они не терпели, вопреки расхожему мнению, основанному на версии «победившей» стороны (См. Живой журнал Комарова О.В. <<https://oleggg888.livejournal.com/21291.html>>). Но А.В. Быков резонно возразил ему в комментариях, что 2-3 дня - тот самый срок, за который становится ясно, можно ли взять крепость или от этого надо сейчас отказаться.

¹⁶⁹ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 302-306.

¹⁷⁰ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 290.

¹⁷¹ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы "казанской войны" (1545-1549) // Труды московского государственного историко-архивного института. — 1954. — № 6. — С. 231.

Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М., 1998. — С. 269.

¹⁷² Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI—начала XVII в. [Электронный ресурс] <https://texts.news/istoricheskim-distiplinam->

periodika/letopisets-novyimi-izvestiyami-nachala-xvii-43052.html.

¹⁷³ Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 108.

Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. I. — Ч. II. — С. 311.

¹⁷⁴ Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). — СПб., 2004. — С.39.

В историографии высказывались идеи, будто в разрядной книге Полоцкого похода численность детей боярских указывалась на самом деле не только с учетом количества самих служилых людей, но и их послужильцев. Однако А.Н. Лобин наглядно показал несостоятельность подобных идей и аргументов (Forum // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2009. — № 1-2 (5-6). — С. 136-138). Таким образом, на данный момент я считаю целесообразнее интерпретировать запись о 636 суздальских дворовых и городских детях боярских именно как указание численности детей боярских, а не домысливать за источник про латентный подсчет количества их послужильцев. То же касается и оценок иных сведений данного источника о численности войск.

¹⁷⁵ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 290.

¹⁷⁶ Андреев Н.И. Гороховецкий край: очерки прошлого. — Гороховец, 1995. — С. 43-45.

¹⁷⁷ Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. [Электронный ресурс] <https://texts.news/istoricheskim-distiplinam-periodika/letopisets-novyimi-izvestiyami-nachala-xvii-43052.html>.

¹⁷⁸ Андреев Н.И. Гороховецкий край: очерки прошлого. — Гороховец, 1995. — С. 45.

¹⁷⁹ Трудно согласиться с неаргументированным заявлением М.Г. Худякова, что поход был спровоцирован «выступлением казанской оппозиции» (Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания. — М., 1991. — С. 101-102). В этом случае московский официальный хронист не преминул бы очередной раз сообщить о подобных настроениях казанской знати.

¹⁸⁰ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический

архив. — 1951. — Т. 8. — С. 297.

¹⁸¹ Громова Г. Солигалич — Соль земли Российской [Электронный ресурс] <http://soligalich.prihod.ru/2013/08/01/g-gromova-soligalich-sol-zemli-rossijskoj>.

¹⁸² ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 56.

ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — Ч. 1. — С. 146.

ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 474.

¹⁸³ Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). — СПб., 2004. — С. 42.

¹⁸⁴ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 297.

¹⁸⁵ Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 86.

¹⁸⁶ Бахтин А.Г. со ссылкой на Древнюю Российскую Вивлиофику тоже упомянул Касимов в перечне пострадавших от казанцев городов (Там же. — С. 85). Однако по приведенной им ссылке Касимов не указан.

¹⁸⁷ Схожие выводы я сделал при изучении казанских набегов на Нижегородский край (Несин М.А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535-1536 гг. // Средневековые Тюркско-Татарские государства. — 2015. — № 7. — С. 119).

¹⁸⁸ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — С. 46.

¹⁸⁹ [Лобин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил российского государства в XVI в.](#) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2009. — № 1-2 (5-6). — С. 49-52.

Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014. — С. 445-458.

¹⁹⁰ Фархутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана: древность и средневековье. — Казань, 1995.

Каргалов В.В. На границе Руси стоять крепко! Противостояние XIII-XVIII вв. — М, 1998.

Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998.

Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008.

Волков В.А. Ратные подвиги Древней Руси. — М, 2011.

¹⁹¹ Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 201.

¹⁹² Моисеев М.В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480-1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч.I. — С. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

¹⁹³ Впрочем, надо отметить, что некоторые преувеличенные летописные сведения о вторжении на Русь многотысячных казанских войск в первой половине XVI в. уже вызвали критику в историографии. Ныне Б.А. Илюшин в новой книге о московско-казанской войне 1505-1507 гг. выразил недоверие к версии казанского летописца о большом войске из 40 тыс. казанцев и 20 тыс. ногаев, осаждавшем в 1505 г. Нижний Новгород (Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: московско-казанский конфликт 1505-1507 гг. — Н. Новгород, 2018. — С. 35-36). Надо иметь в виду, что данный источник содержит заведомо ложные сведения об этой кампании, и потому к его показаниям стоит относиться с большой осторожностью. Тот же Б.А. Илюшин критически подошел к версии летописца о 30-дневной продолжительности осады Нижнего Новгорода, указав, что по другим данным та длилась всего 2 дня, и на третий день татары ушли (Там же. — С. 38). И в данном случае стоит согласиться с ученым: в течение месяца этот город никем никогда не осаждался, если бы такое случилось, то попало бы и в другие источники, а не только в рассказ казанского летописца. Добавлю, что процитированный исследователем (Там же. — С. 35-36) рассказ этого источника содержит заведомо противоречивые сведения: татарское войско будто бы составляло десятки тысяч человек, но при этом якобы подошло к городу незаметно для нижегородцев, все защитники Нижнего Новгорода за исключением воеводы были очень пугливыми, но благополучно продержались целый месяц в осаде, успешно отражая натиск 40 тысяч казанцев и 20 тысяч ногаев. Очень похоже, что казанский летописец не стремился к особому правдоподобию, создавая литературный сюжет, полный нарочитых

преувеличений, чтоб заставить читателей проникнуться драматизмом осады Нижнего Новгорода страшным татарским войском. Сам Б.А. Илюшин оценивает численность казанско-ногайского войска в 10-15 тысяч человек на том основании, что в нем присутствовал сам казанский хан (Там же. — С. 36), между тем это представляется не вполне обоснованным. Ведь как показано мной в настоящей работе, в 1530-е гг. тот же Сафа-Гирей водил под Муром значительно меньшие войска. К тому же рассмотренные мной источники о казанских набегах не позволяют утверждать, что в тех походах, в которых принимал участие казанский хан, татар было заметно больше, чем в иных, в которых он не участвовал. Стоит принять во внимание и тот факт, что никакими летописцами (в том числе и казанскими) осаждавшее в 1505 г. Нижний Новгород татарское войско не изображено относительно многочисленным по сравнению с защитниками Нижнего Новгорода, или не поспевшей тем на подмогу московско-касимовской ратью. Потому оно, скорее всего, исчислялось сотнями, а не тысячами человек. Житие Макария Унженского упоминает о появлении 20 тысяч казанцев в 1522 г. под Унжей и 14 тысяч под Солигаличем в 1532 г. (Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2005 — Т. 13. — С. 280, 284). Но сведения об этих кампаниях практически не удостоились упоминания в русском летописании, что было бы крайне маловероятным, если бы армии интервентов в действительности были столь грандиозными. Разве что местный Галицкий летописец сообщил о набеге 1522 г. Но в этом источнике татарское войско не представлено крупным по сравнению с выступившей навстречу ему галицкой служилой корпорации детей боярских (РНБ. Ф. Q17. Оп. 176 Л. 3.). Галицкое служилое войско в XVI в. не было большим. Разряды Полоцкого похода упоминают 250 дворовых и городских служилых людей (Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). — СПб., 2004. — С. 43). Можно предположить, что татарское войско было того же порядка. Таким образом, есть основания полагать, что и эти казанские набеги мало чем отличались от изучаемых в данной работе, в которых участвовали небольшие отряды.

¹⁹⁴ Пилипчук Я.В., Несин М.А. Великое Княжество Литовское и татары в

период правления Александра Казимировича (1492-1506 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 397, 425 <<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchyk-nesin>> (21.04.2016).